

Ромен Роллан Дантон

Моему отцу

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дантон , 35 лет. — Гаргантюа в шекспировском вкусе, жизнерадостный и могучий. Голова, как у дога, голос, как у быка. Лоб покатый, открытый, глаза светло-голубые, взгляд вызывающий, нос короткий, широкий, верхняя губа изуродована шрамом, нижняя челюсть тяжелая, грубая. Атлет-сангвиник.

Робеспьер , 36 лет. — Среднего роста, хрупкого сложения. Волосы темно-русые. Глаза темно-зеленые, большие, близорукие, устремленные в одну точку. Огромные очки, сдвинутые на лоб. Нос прямой, слегка вздернутый. Бледен. Губы тонкие, с презрительной складкой, в которой есть что-то тревожащее и вместе с тем обаятельное.

Камилл Демулен , 34 лет. — Карие чуть косящие глаза, длинные черные волосы. Лицо бледное, желчное, неправильное, расширяющееся кверху. Взгляд живой, своенравный, чарующий, беспокойный; быстрые переходы от приветливой улыбки к презрительной гримасе. Чрезвычайно женственен, то смеется, то плачет, а иногда и одновременно. Изображать его заикание не следует. Но вообще в его речи, движениях, во всем его облике есть что-то неустойчивое и противоречивое.

Сен-Жюст , 27 лет. — Длинные белокурые напудренные волосы, голубые глаза. Продолговатое лицо с удлинненным подбородком. По внешнему виду напоминает молодого англичанина-аристократа; это человек спокойный, хладнокровный, с непреклонной волей. Внутри неостывающий жар фанатической веры.

Эро де Сешель , 34 лет. — Красивый, изящно одетый мужчина. По своим манерам и складу ума это последний представитель старого порядка в Конvente. Сочетает в себе иронию с добросердечием. Очень спокоен, с огромным самообладанием.

Билло-Варенн , 38 лет. — Высокого роста, с широким бледным лицом. Рыжеволос. Широкоплеч. Мрачен, весь поглощен своими навязчивыми идеями, еле держится на ногах от усталости, взгляд чаще всего блуждающий; по временам приливы бешеной злобы.

Вадье , 58 лет. — «Гасконский Вольтер». Высокий костлявый старик с крючковатым носом, острым подбородком, густыми бровями, большим ртом, тонкими поджатыми губами; лицо пожелтевшее. «Согнувшись пополам, приподняв седую голову, он тихо смеялся сухим и скрипучим, еле слышным смехом».

Филиппо , 38 лет. — Худошав; выражение лица холодное и суровое. Большие черные глаза. Длинный нос. Волосы редкие и прилизанные. Вид неистового аскета.

Фабр д'Эглантин , 39 лет.

Генерал Вестерман , 43 лет.

Фукье-Тенвиль , общественный обвинитель.

Эрман , председатель Революционного трибунала.

Генерал Анрио .

Люсиль Демулен , 22 лет. — Белокурая, миниатюрная, черноглазая, с вьющимися волосами. «Шаловлива, как бесенок, выпускает когти, как котенок».

Элеонора Дюпле , 25 лет. — Высокая, со спокойным выражением лица, с классически правильными чертами. Сквозь внешнюю холодность порою проглядывает пламенная душа. «Корнелия Копо».

Госпожа Дюпле , 59 лет.

Народ .

Париж, март — апрель 1794.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

У Камилла Демулена.

Гостиная в причудливом вкусе: смешение всех стилей. По стенам игривого содержания картинка в духе XVIII века. На камине бюст древнего философа. На столе макет Бастилии. В углу детская колыбелька. Окно открыто. Пасмурное, печальное небо. Идет дождь. Камилл и Люсиль с младенцем на руках смотрят в окно. Филиппо прохаживается по комнате и время от времени поглядывает в окно. Эро де Сешель сидит в кресле подле камина и наблюдает за своими друзьями. С улицы доносится радостный шум толпы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Люсиль, Камилл, Эро, Филиппо.

Люсиль (*высовываясь в окно*) . Вот они, вот они! Проезжают в конце улицы!

Камилл (*кричит*) . Счастливого пути, Папаша Дюшен! Не забудь свои жаровни!

Эро (*мягко*) . Камилл, дорогой мой, не показывайся.

Камилл . Погляди-ка на бывших наших друзей, Эро! Вон клубный генерал Ронсен, вон Венсен, который все покушался на твою голову, Филиппо, вон Эбер, бахвал, которому не давала покоя моя голова, вон пруссак Клотс, прекрасный Анахарсис!.. Последний путь юного Анахарсиса!.. Бедное человечество: оно лишается лучшего своего оратора! Гильотине будет сегодня работа. Урожай обильный!

Люсиль (*своему ребенку*) . Посмотри, Гораций, посмотри на этих негодяев. А вон гарцует генерал Анрио, размахивая огромной саблей. Видишь, детка?

Филиппо . Уж очень он старается. Его бы тоже надо на телегу.

Камилл . Точно праздник, народ ликует.

На улице кто-то играет на кларнете разудалую песенку. Толпа громко хохочет.

Это что такое?

Люсиль . Маленький горбун идет за телегой и играет на кларнете!

Камилл . Забавно!

Оба смеются.

Отчего ты не подойдешь к окну, Эро? Неужели тебе не любопытно? Ты печален. О чем ты думаешь?

Шум постепенно удаляется.

Эро . Я думаю о том, Камилл, что Анахарсису тридцать восемь лет, Эберу тридцать пять, оба в твоих годах, Филиппо, а Венсену двадцать семь, он на шесть лет моложе нас с тобой, Демулен.

Камилл . Это верно. *(Внезапно нахмурившись, отходит от окна на середину комнаты, подпирает подбородок рукой и на мгновение остается неподвижен.)*

Люсиль *(у окна)* . Дождь идет! Вот досада!

Камилл *(недовольным тоном)* . Не стой у окна, Люсиль, холодно. Отойди.

Люсиль *(закрывает окно и с ребенком на руках отходит на середину комнаты, напевая)* .

Дождик идет,
И скоро вечер...
Домой, пастушка,
Гони овечек.

Камилл . Люсиль, Люсиль, злая ты женщина, как ты можешь петь эту песню? Когда я ее слышу, я всякий раз думаю, что тот, кто ее сочинил, томится сейчас в заключении.

Люсиль . Фабр? Да, правда! Бедный наш Эглантин! Они посадили его в Люксембургскую тюрьму совсем больного. Ну, ничего, выйдет!

Эро . *Pur troppo!*¹

Люсиль . Что он сказал? Конечно, какую-нибудь гадость?

Филиппо . Он сказал не гадкую, а печальную вещь и притом совершенно верную.

Люсиль . Перестаньте каркать! Фабр будет освобожден. Неужели мы не сумеем его выручить?

Эро . Сам Дантон не мог его спасти.

Люсиль . Дантон — это другое дело! А уж если Камилл возьмется за перо и выложит все, что у него на сердце, вот увидите — двери тюрем распахнутся сами собой и поглотят...

Эро . Кого?..

Люсиль . Тиранов.

Эро . О легкомысленная пастушка, как плохо стережешь ты своих барашков!.. «Домой, пастушка!..» Вдумайся в смысл этой песенки.

Входит служанка, берет у Люсиль ребенка и уносит его. Люсиль говорит с ней шепотом, уходит, возвращается; в продолжение этой сцены она все время в движении. Она занята разными домашними делами и между прочим принимает участие в общем разговоре.

Камилл . Люсиль права: надо бороться. Революцию совершили мы, и нам надлежит руководить ею. Мой голос еще не утратил власти над толпой. Стоило мне заговорить — и бешеные отправлены на гильотину. Никогда еще мы не были так сильны, будем же добиваться новых успехов: взять Люксембургскую тюрьму не труднее, чем Бастилию. Мы сокрушили девятисотлетнюю монархию, так неужели же мы не справимся с комитетом мерзавцев, которые пришли к власти благодаря нам и которые смеют злоупотреблять ею, чтобы погубить Конвент и Францию?

Филиппо *(в волнении ходит взад и вперед)* . Подлецы! Если бы они только убивали! Но нет! Они припутали Фабра к лихоимству и хищениям в Ост-Индской компании; они сочинили всю эту небылицу, всю эту историю с евреями и немецкими банкирами, которые будто бы через посредство нашего друга подкупили Национальное собрание. Они сами знают, что лгут, но им мало убить своего противника — они прежде постараются облить его грязью.

Эро . У нас добродетельные враги: тебе не просто рубят голову, а во имя высших принципов, — по крайней мере утешение.

Камилл . Франция ненавидит Тартюфа. Выпорем ханжу и отколотим дону Базиля.

¹ К сожалению *(итал.)* .

Филиппо Я исполнил свой долг — пусть каждый исполняет свой! Я вывел на чистую воду воров из Западной армии, из Сомюрского штаба. Я вцепился в горло этим прохвостам, и я не выпущу добычу, разве что голова у меня свалится с плеч. Я смотрю на вещи трезво: я отдаю себе отчет, что значит напасть на генерала Росиньоля и его прихвостней. Комитет пока меня не трогает — с одною лишь целью: чтобы потом вернее меня погубить. Какое гнусное обвинение собираются они взвалить на меня! При одной мысли об этом меня бросает в жар и в холод. Пусть гильотинируют, если желают, но пусть не порочат моей чести!

Эро . Я отношусь ко всему этому спокойнее, чем ты, Филиппо. Я заранее знаю, каким предлогом они воспользуются, чтобы меня уничтожить. Я имею несчастье придерживаться того мнения, что можно быть врагом европейских правительств и вместе с тем не испытывать ненависти ко всем не французам. За границей у меня были друзья; я не считал своим долгом от них отречься в угоду этому одержимому Билло-Варенну и другим таким же невменяемым, как и он. Ко мне ворвались, взломали мои ящики, похитили у меня несколько писем совершенно частного характера — этого довольно: отныне я один из участников пресловутого заговора, существующего на золото Питта и имеющего своею целью восстановление королевской власти.

Камилл . Ты в этом уверен?

Эро . Совершенно уверен, Камилл. Моя голова уже не держится на плечах.

Камилл . В таком случае скройся.

Эро . Во всем мире нет такого уголка, где бы мог укрыться республиканец. Короли его преследуют, Республика его изничтожает.

Камилл . Вы оба пали духом. Все-таки нас знает вся Франция.

Эро . И Лафайета знала вся Франция, и Петиона, и Ролана. Даже Капет когда-то пользовался популярностью. Тот, кого сейчас провезли, неделю назад был народным кумиром. Кто может похвалиться любовью этих дикарей? На мгновение вдруг как будто появится в их тусклых глазах отблеск самостоятельной мысли. Раз в жизни чья душа не сливалась с душою толпы? Но это слияние не может быть долгим; стремиться продлить его бессмысленно. Мозг народа — это морская пучина, населенная чудищами и всякими ужасами.

Камилл . Вот оно, великое слово! Мы надуваем щеки, прежде чем выговорить слово «народ», и мы произносим его с комическою важностью, чтобы заставить Европу поверить в некую таинственную силу, орудиями которой мы являемся. Знаю я этот народ — он для меня поработал. Осел в басне говорит: «Я два вьюка не поташу» — и не догадывается, что мог бы не тащить ни одного. Мы немало потрудились, чтобы заставить людей совершить Революцию, — они совершили ее скрепя сердце. Инженерами и механиками этого прекрасного движения были мы; без нас они бы и не пошевелились. Они не стремились к Республике — это я повел их к ней. Я внушил им, что они хотят быть свободными, — внушил для того, чтобы они полюбили Свободу как дело своих рук. Так испокон веков управляют слабыми. Убедишь их, что они хотят чего-то такого, о чем они и не помышляли, и вот они уже, как львы, бросаются в бой.

Эро . Осторожней, Камилл: ты — дитя, ты играешь с огнем. Ты воображаешь, что народ пошел за тобой потому, что вы стремились к единой цели. Сейчас уже он ушел от тебя далеко вперед. Не пытайся остановить его: у пса не вырывают кости, когда он ее гложет.

Камилл . Надо ему бросить другую. Да что, в самом деле, разве народ не прислушивается к моему «Старому кордельеру»? Разве его голос не доходит до самых дальних уголков страны?

Люсиль . Если б вы знали, какой успех имел последний номер! Камиллу пишут отовсюду письма, — слезы, поцелуи, объяснения в любви... Будь я ревнива... Его умоляют писать еще, умоляют спасти отечество.

Эро . А многие ли из этих его друзей помогут ему, когда на него нападут?

Камилл . Я не нуждаюсь ни в ком. Ко мне, моя чернильница! Праща Давида

(показывает на перо) уже сокрушила крикуна, поминутно оравшего: «На гильотину! На гильотину!» — короля буянов и головорезов. Это я разбил трубку папаши Дюшена, эту знаменитую трубку, которой, подобно трубе иерихонской, достаточно было выпустить три клуба дыма вокруг чьей-нибудь репутации, как эта репутация рушилась сама собой! Не откуда-нибудь, а отсюда вылетел камень, поразивший в лоб Голиафа, наглого труса. Я натравил на него толпу. Ты видел рядом с телегой жаровни Папаши Дюшена? Эту мысль подал я. Моя затея имела бешеный успех. Что ты на меня так смотришь?

Эро . Мелькнула мысль.

Камилл . Какая?

Эро . Ты когда-нибудь думал о смерти?

Камилл . О смерти? Нет, нет, я этого не люблю. Фу, это дурно пахнет!

Эро . Ты никогда не думал о том, как тяжело умирать?

Люсиль . Какой ужас! Нашли о чем говорить!

Эро . Ты добрый, милый, прелестный ребенок, и вместе с тем ты жесток, жесток, тоже как ребенок.

Камилл (взволнован) . Ты в самом деле думаешь, что я жесток?

Люсиль . Вот у него уже и слезы на глазах!

Камилл (взволнован) . Ты прав: этот человек страдал. Предсмертный холодный пот, сердце сжимается от страха в ожидании конца... это должно быть мучительно! Как бы ни был он ничтожен, страдал он не меньше любого честного человека, а может быть, даже больше. Несчастный Эбер!

Люсиль (обвивая руками шею Камилла) . Бедный мой Буль-Буль! Стоит ли горевать о негодяе, который хотел отрубить тебе голову?

Камилл (запальчиво) . А зачем ко мне тогда приставать с такой мерзостью? *S? quis atra dente me petiverit, inultus ut flebo puer!* ²

Люсиль (к Эро) . А вы еще осмеливаетесь утверждать, что мой Камилл жесток!

Эро . Разумеется, осмеливаюсь. Ох, уж этот мне милый мальчик! Из всех нас он, пожалуй, самый жестокий.

Камилл . Не говори так, Эро, в конце концов я тебе поверю.

Люсиль (к Эро, грозя ему пальцем) . Скажите, что это неправда, а то я вам глаза выцарапаю.

Эро . Ну, хорошо, неправда: самый жестокий человек — это вы.

Люсиль . Ну что ж! Ничего не имею против.

Камилл . Твои слова, Эро, меня очень расстроили. Это верно, я причинял людям много страданий, и все же я человек не злой. После моих прокурорских речей кого-нибудь непременно вздергивали на фонарь. Меня подстрекает какое-то бесовское мальчишество. Из-за меня жирондисты гниют в полях, которые поливает этот ледяной дождь. Из-за моего «Разоблаченного Бриссо» срубили головы тридцати юношам, прекрасным, благородным. Они любили жизнь так же, как я, они появились на свет ради того, чтобы жить, чтобы наслаждаться счастьем так же, как я. У каждого из них была своя ласковая, милая Люсиль. О Люсиль, бежим, бежим от этой смертоубийственной борьбы, которая может обернуться и против нас! Что, если и нас тоже — тебя, нашего маленького Горация?.. Ах, как бы я хотел снова стать никому не известным человеком! Где то убежище, то подземелье, в котором я со своей женой, ребенком и книгами мог бы укрыться от посторонних взоров? *O ubi campi...* ³

Филиппо . Ты попал в самый водоворот, тебе уже не выбраться.

Эро . Нет, отпусти Камилла, эта война не для него.

Филиппо . Он сам только что сказал: нужно исполнять свой долг.

² Если кто вонзит в меня острый свой зуб, я заплачу, как беспомощный мальчик (лат.).

³ О, где поля... (Вергилий, «Георгики», II, 486).

Эро (указывая на Камилла, который прижался к Люсиль) . Посмотри, не кажется ли тебе, что долг нашего Камилла в том и состоит, чтобы быть счастливым?

Камилл . Это правда, у меня какое-то особое призвание к счастью. Есть люди, созданные для того, чтобы страдать. Мне страдания отвратительны, не хочу я их!

Люсиль . А я не помешала твоему призванию?

Камилл . Веста моя, волчонок мой милый, моя маленькая Ларидон⁴... Ты очень виновата передо мной! Благодаря тебе я слишком счастлив.

Люсиль . Негодник! Он еще жалуется!

Камилл . Понимаешь, из-за этого я утратил всякую волю, всякую веру.

Люсиль . Каким же образом?

Камилл . Прежде я верил в бессмертие души. При виде человеческого горя я говорил себе: мир был бы устроен слишком нелепо, если бы добродетель не вознаграждалась где-то еще. Но теперь я счастлив, счастлив вполне, — вот я и боюсь, что уж получил свою награду на земле. И мой довод в пользу бессмертия не представляется мне больше убедительным.

Эро . Постарайся обойтись без него.

Камилл . Как это просто — быть счастливым! И как мало людей владеет этим искусством!

Эро . Самое простое дается труднее всего. Считается, что люди хотят быть счастливыми. Какое заблуждение! Они хотят быть несчастными, они этого добиваются во что бы то ни стало. Фараоны и Сезострисы, цари с головами, как у коршуна, и когтями, как у тигра, костры инквизиции, каменные мешки Бастилии, опустошительные и истребительные войны, — вот что им по душе. Чтобы внушить им доверие, нужно окутать себя мраком таинственности. Чтобы внушить им любовь, нужно прибегнуть к бессмысленности страданий. Но разум, терпимость, взаимная любовь, счастье... нет, нет, это все для них оскорбительно!

Камилл . Ты желчен. Надо делать людям добро даже наперекор им самим.

Эро . Нынче все этим занимаются — со средним успехом.

Камилл . Бедная Республика! Что они с тобой сделали? О цветущие деревни, обновленные поля, где воздух стал легче, а дали — прозрачнее с тех пор, как светлый разум своим свежим дыханием согнал с неба Франции пагубные суеверия вместе со старыми готическими святыми!.. Хороводы молодежи, кружащиеся на лужайках, героическое войско — братские сердца, стальная стена, о которую ломаются копья Европы!.. Наслаждение красотой, наслаждение гармоничностью форм, беседы в Портике, благородные Панафиней, где проходят вереницы девушек с белыми руками, облаченных в легкие одежды!.. Свободная жизнь, радость, торжествующая надо всем, что есть безобразного, лживого, мрачного! Республика Аспазии и прекрасного Алкивиада, что с тобою случилось? Красный колпак, грязная рубаха, хриплый голос, навязчивые идеи маньяка, указка педанта из Арраса!

Эро . Ты афинянин среди варваров, Овидий среди скифов. Ты их не переделаешь.

Камилл . Во всяком случае попытаюсь.

Эро . Только потеряешь время, а может быть, и жизнь.

Камилл . Чего мне бояться?

Эро . Берегись Робеспьера.

Камилл . Я знаю его с детства — друг имеет право говорить все.

Эро . Неприятная истина легче прощается врагу, чем другу.

Люсиль . Молчите! Камилл должен быть великим, он должен спасти отчизну. Кто со мной не согласен, тот не получит шоколада.

Эро (с улыбкой) . Я умолкаю.

Люсиль уходит.

⁴ Игра слов: *Ларидон* — имя собачки из басни Лафонтена и в то же время девичья фамилия Люсиль.

Филиппо . Итак, Демулен, ты решил действовать?

Камилл . Да.

Филиппо . В таком случае никаких передышек! Преследуй врагов неустанно, пронзай их пером. Ты предпочитаешь мелкие стычки, а ведь это самое опасное. Ты ограничиваешься тем, что осыпаешь врагов ядовитыми стрелами, — это их еще больше ожесточает. Лучше целясь прямо в сердце — покончим с ними разом!

Эро . Друзья мои, я не одобряю вашего замысла, но если уж вы решились, то по крайней мере надо позаботиться о том, чтобы у вас были все шансы на выигрыш. Так вот, чтобы начать войну, еще недостаточно (да простит мне Камилл), еще недостаточно пера Демулена. Народ ничего не читает. Успех «Старого кордельера» ввел вас в заблуждение: до толпы он не доходит, у него совсем особый читатель. Ты, Камилл, это прекрасно знаешь: ты сам недавно жаловался, что на один из его номеров издатель повысил цену до двадцати су. Покупают его такие же, как мы, аристократы. Народ судит обо всем со слов клубных ораторов, а они не за тебя. Сколько бы ты ни распинаялся и ни украшал свой слог площадной бранью, народ никогда не будет считать тебя своим. Есть только один способ воздействовать на толпу — это бросить в нее Дантоном. Только его грома способны расшевелить весь этот косный людской хаос. Дантону стоит потряхнуть своей гривой — и поднимется Форум. Но Дантон устранился, почил от дел; он покинул Париж, он уже больше не выступает с речами в Конвенте. С ним творится что-то непонятное. Кто-нибудь виделся с ним за последние дни? Где он? Что он делает?

Входят Дантон и Вестерман.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Дантон, Вестерман.

Дантон . Дантон кутит, Дантон ласкает девочек. Дантон, как Геркулес, отдыхает от своих подвигов за новыми подвигами!

Демулен идет навстречу Дантону и со смехом пожимает ему руку. Вестерман с озабоченным видом стоит в стороне.

Камилл . Геркулес никогда не расстается со своей палицей — ему еще предстоит убить столько чудовищ!

Дантон . Не говори со мной об убийстве! Это слово внушает мне отвращение. Франция дымится от крови, земля пахнет освеженным мясом, как на бойне. Сейчас я переходил через Сену; солнце садилось; Сена была багровая; казалось, она катит волны человеческой крови. Если и реки наши будут осквернены, то чем же мы их очистим, чем отмоем наши руки? Довольно смертей! Оплодотворим Республику! Пусть новые всходы и новые люди вырастут на почве обновленной отчизны! Будем любить женщин и возделывать наши поля!

Камилл . Пусть некий бог пошлет нам на это досуг! Мы же сейчас рассчитываем на тебя, Дантон.

Дантон . Что вы от меня хотите, дети мои?

Филиппо . Чтобы ты помог нам в борьбе!

Дантон . Зачем я вам нужен? Почему все должен делать я? Вечно одна и та же песня! Вот, например, Вестерман. Уж, кажется, человек настоящий! Был на войне; несколько раз спасал отечество; для возбуждения аппетита, прежде чем сесть за стол, всякий раз перерезает кому-нибудь горло. Видите ли, и ему я должен помочь! Прикажете сесть вместо него на коня и взяться за саблю?

Вестерман . Когда нужно будет драться, я никому не уступлю своего места. Выведи меня в поле, вели стереть с лица земли целое войско, и ты увидишь, как я с этим справлюсь. Но разглагольствовать, отвечать в Конвенте этим болтунам, раскрывать грязные делишки комитетской сволочи, которая спит и видит меня погубить, — этого я не умею. В вашем городе я чувствую себя совершенно беспомощным: они целой сворой набрасываются на меня сзади, а я не смею шевельнуться, я должен терпеть все и ничего не имею права предпринять для самозащиты. Неужели вы отдадите меня на растерзание и не заступитесь? Черт бы вас всех побрал! Ведь я же за вас сражался, у нас общие враги. Мое дело — это и ваше дело: твое, Дантон, твое, Филиппо, и ты это прекрасно знаешь!

Филиппо . Знаю, Вестерман: якобинцы подняли на тебя бешеный лай за то, что ты, как и я, обличал Росиньоля, Ронсена и всех этих мерзавцев, позорящих армию. Мы тебя не покинем.

Камилл (Дантону) . Надо действовать. Я предоставляю в твое распоряжение свое перо, Вестерман — свою саблю. Веди нас в бой, Дантон. Ты человек закаленный, ты знаешь, как нужно обращаться с толпой, ты изучил стратегию революций, — становись же впереди: нам предстоит еще одно десятое августа.

Дантон . Не сейчас.

Филиппо . Ты сходишь со сцены, тебя начинают забывать. Объявись! Ты по целым неделям сидишь в провинции, — что ты там делаешь?

Дантон . Обнимаю родную землю и, как Антей, черпаю новую силу.

Филиппо . Ты ищешь предлога, чтобы выйти из боя.

Дантон . Я не умею лгать. Ты прав.

Камилл . Что с тобой?

Дантон . Я пресыщен людьми. Меня от них тошнит.

Эро . Для женщин ты, по-видимому, делаешь исключение.

Дантон . Женщины по крайней мере имеют смелость быть тем, что они представляют собой на самом деле, что представляем собою мы все: животными. Они идут прямой дорогой к наслаждению и не лгут при этом самим себе, не прикрывают своих инстинктов плащом разума. А я ненавижу лицемерие всех этих умников, кровожадный идиотизм этих идеалистов, этих диктаторов, которые, сами будучи импотентами, называют развратом откровенность в удовлетворении законных потребностей и притворяются, будто отрицают природу, для того чтобы под флагом добродетели утолять свою чудовищную гордыню и страсть к разрушению. О, быть дикарем, добрым и откровенным дикарем, который готов любить всех, только бы ему оставили место под солнцем!

Камилл . Да, всех нас точит ржа лицемерия.

Дантон . Самого мерзкого лицемерия. Лицемерия с ножом за пазухой. Лицемерия добродетельной гильотины.

Филиппо . Мы снесли голову Капету, как видно, для того, чтобы Тальен, Фуше и Колло д'Эрбуа возродили в Бордо и Лионе времена драгонад!

Камилл . Эти маньяки создали новую религию, светскую и общеобязательную, позволяющую проконсулам вешать, резать, жечь во славу добродетели.

Дантон . Для государства нет ничего опаснее этих людей принципа. Им не важно, делают они добро или зло, им важно всегда быть правыми. Страдания их не трогают. У них одна мораль, одна политика — навязывать свои идеи другим.

Эро (язвительным тоном декламирует) .

Муж честный лишь тогда блаженства миг вкушает,
Когда он у других восторги исторгает...

Люсиль (входит; уловив последние слова, машинально продолжает дальше) .

Сим качеством монах отнюдь не отличался,

Вскочивши на седло, он тут же и помчался, —
Пришпоривает знай святой отец лошадку,
Не думая о том, что — горько ей иль сладко.

Эро . Дьявольщина! Оказывается, вы еще помните то, что учили в школе.

Люсиль . А что же тут особенного? «Девственницу» помнят все.

Дантон . Твоя правда, детка. Это молитвенник порядочных женщин.

Эро . Вы когда-нибудь читали его Робеспьеру?

Люсиль . Я бы не постеснялась.

Камилл . Знаете, что бывает с Робеспьером, когда кто-нибудь позволяет себе при нем нескромную шутку? Кожа у него на лбу собирается в крупные складки, ползет кверху, он ломает себе руки и гримасничает, как мартышка, у которой болят зубы.

Эро . Весь в отца. Ненависть к Вольтеру перешла к нему от Руссо.

Люсиль (*простодушно*) . Как? Разве он сын Руссо?

Эро (*насмешливо*) . А вы и не знали?

Дантон . Все это одно иезуитство! Он порочнее других. Если человек скрывает, что он любит наслаждения, значит, это человек безнравственный.

Филиппо . Возможно. Но если Робеспьер действительно любит наслаждения, то он ловко это скрывает. И он прав, Дантон. А ты, ты действуешь слишком открыто. За одну веселую ночь в Пале-Рояле ты готов поставить на карту все, в чем ты преуспел.

Дантон . Всякому преуспеянию я предпочитаю успех у женщин.

Филиппо . Этим ты и губишь свое доброе имя. Общественное мнение следит за каждым твоим шагом. Что скажут потомки, когда станет известно, что Дантон накануне решительной битвы за судьбу государства думал только о наслаждениях?

Дантон . Общественное мнение — это потаскушка, доброе имя не стоит плевка, потомство — зловонная свалка.

Филиппо . А добродетель, Дантон?

Дантон . Поди спроси у моей жены, довольна ли она моей добродетелью.

Филиппо . Ты сам не знаешь, что говоришь. Тебе просто нравится клеветать на себя, ты играешь на руку своим врагам.

Вестерман (*долго сдерживался и теперь, наконец, прорывается*) . Все вы болтуны и хвастливые краснобай. Одни похваляются своими добродетелями, другие — пороками. Вы только и умеете разглагольствовать. Ваш город — гнездо адвокатов и прокуроров. Враг угрожает нам. Дантон, ты идешь на приступ? Да или нет?

Дантон . Оставьте меня! Ради спасения Республики я пожертвовал своей жизнью и душевным покоем, а она не стоит того, чтобы я посвятил ей хотя бы час. Довольно! Дантон купил себе право пожить наконец для себя.

Камилл . Дантон не купил себе права быть Сийесом.

Дантон . Что я вам, кривоглазая лошадь, обреченная вертеть жернов, пока не сдохнет?

Камилл . Ты вступил на путь, где что ни шаг, то бездна. Отступать теперь уже некуда. Можно идти только вперед. Враг гонится за тобой по пятам, вот он, ты чувствуешь на себе его дыхание. Если остановишься, он сбросит тебя в бездну. Он уже замахнулся и рассчитывает удар.

Дантон . Я только обернусь и покажу им мою морду, и это их сразит наповал.

Вестерман . Ну так обернись. Чего ты ждешь?

Дантон . Не сейчас.

Филиппо . Твои враги возбуждены. Билло-Варенн брызгает на тебя бешеной слюной. Вадье издевается и пророчит тебе скорую гибель. В Париже прошел даже слух, что ты арестован.

Дантон (*пожимая плечами*) . Вздор! Не посмеют.

Филиппо . Знаешь, что сказал Вадье? Мне не хотелось повторять его мерзости. Вадье сказал про тебя: «Скоро мы этому быку выпустим внутренности».

Дантон (*громовым голосом*) . Так сказал Вадье? Ну так передай, передай этому мерзавцу, что я ему раскрою череп, что я ему выгрызу мозг! Когда моя жизнь будет в опасности, я стану свирепее каннибала! (*На губах у него пена.*)

Вестерман . Наконец-то!.. Идем!

Дантон . Куда?

Вестерман . Выступать в клубах, поднимать народ, сбрасывать комитеты, кончать с Робеспьером.

Дантон . Нет.

Филиппо . Почему?

Дантон . Не сейчас. Сейчас не хочу.

Камилл . Ты губишь себя, Дантон.

Вестерман . Я из себя вон выхожу — все действия честнейших людей Парижа сковывает нерешительность. Видно, здесь в самом воздухе разлита какая-то дьявольская отравка, если даже такие люди, как вы, зная, что им грозит эшафот, сидят сложа руки, чего-то ждут и все еще колеблются, давать противнику бой или бежать. Я больше не могу. Я уйду от вас. Я буду действовать один. Я пойду к Робеспьеру, которого вы все так боитесь (да, вы его боитесь, хотя и посмеиваетесь над ним: ваш страх и составляет силу этого проходимца). Я скажу ему правду в глаза. Первый раз в жизни он увидит перед собой человека, который ему не поддастся... Я сокрошу этот идол! (*Уходит в гневе.*)

Филиппо . Я с тобой, Вестерман.

Дантон (*хладнокровно, с оттенком презрения*) . Ничего он не сокрушит. Робеспьер взглянет на него — вот так, и кончено. Бедный малый!

Филиппо . Дантон! Дантон! Где ты? Где атлет Революции?

Дантон . Вы трусы. Бояться нечего.

Филиппо *Quos vult perdere...⁵* (*Уходит.*)

Эро встает, берет шляпу и направляется к выходу.

Камилл . И ты уходишь, Эро?

Эро . Камилл, ты не создан для борьбы, как ее понимает Вестерман, я в этом уверен. Но в таком случае устранись окончательно. Пусть о тебе забудут. Для чего эти разговоры?

Камилл . Этого требует моя совесть.

Эро (*чуть заметно пожимает плечами и целует руку Люсиль*) . Прощайте, Люсиль.

Люсиль . До свиданья.

Эро (*с улыбкой*) . А может быть, прощайте?

Камилл . Куда ты?

Эро . Пойду на улицу Сент-Оноре.

Дантон . Тоже с визитом к Робеспьеру?

Эро . Нет, это моя обычная прогулка: смотрю, как проезжают телеги с осужденными.

Камилл . Я думал, это зрелище тебе неприятно.

Эро . Я учусь умирать.

Уходит. Люсиль провожает его.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дантон, Камилл.

⁵ Кого хочет погубить (*лат.*). Имеется в виду изречение: «Кого Юпитер хочет погубить, того лишает разума».

Дантон (*смотрит вслед Эро*) . Бедняга! Он не в себе, упрекает меня в бездеятельности. Ты, Камилл, тоже меня осуждаешь, я вижу по глазам. Ну что ж, мой милый, не стесняйся. Ты считаешь меня подлецом? Ты склонен думать, что Дантон ради чувственных наслаждений готов пожертвовать и друзьями и славой?

Камилл . Дантон, почему ты медлишь?

Дантон . Дети мои, Дантон не скроен по мерке прочих людей. В этой груди пылают вулканические страсти, но они делают со мной не больше того, что я им позволяю. Сердце у меня жадное, мои чувства рычаг, как львы, но укротитель сидит вот тут. (*Показывает на голову.*)

Камилл . Каков же твой замысел?

Дантон . Уберечь отчизну. Любой ценой избавить ее от братоубийственных наших раздоров. Знаешь, отчего гибнет Республика? От недостатка обыкновенных людей. Слишком много умов занято государственными делами. Иметь Мирабо, Бриссо, Верньо, Марата... Дантона... Демулена, Робеспьера — это слишком большая роскошь для одной нации. Кто-нибудь один из этих гениев мог бы привести Свободу к победе. Когда они все вместе, они пожирают друг друга, а Франция вся в крови от их междоусобиц. Я сам принимал в них слишком деятельное участие, хотя, впрочем, совесть моя спокойна: я не начинал схватки ни с одним французом, если меня к тому не вынуждала необходимость самозащиты, даже в пылу сражения я делал все для того, чтобы спасти моих поверженных врагов. И теперь я не стану из личных интересов затевать борьбу с самым крупным деятелем Республики... после меня. Лес поредел вокруг нас, я боюсь обезлюдить Республику. Я знаю Робеспьера: я видел, как он поднимался, как он входил в силу благодаря своему упорству, трудолюбию, преданности своим идеям; одновременно росло и его тщеславие, подчиняя себе Национальное собрание, давя на Францию. Только один человек все еще стоит ему поперек дороги: моя известность не меньше его известности, и его болезненное честолюбие от этого страдает. Должен отдать ему справедливость: несколько раз он пытался заглушить в себе завистливые побуждения. Но неотвратимый ход событий, чувство зависти, которое в нем сильнее рассудка, мои заклятые враги, которые натравливают его на меня, — все это ведет нас обоих к столкновению. Каков бы ни был его исход, Республику это потрясет до основания. Так вот, я первый покажу пример самопожертвования. Пусть его честолюбие больше не боится моей славы! Я долго пил этот терпкий напиток, и у меня от него горечь во рту. Пусть Робеспьер, если хочет, допивает чашу! Я удаляюсь под сень моей палатки. Я еще менее злопамятен, чем Ахилл, — я буду терпеливо ждать, когда Робеспьер протянет мне руку.

Камилл . Если один из вас непременно должен пожертвовать собою, то почему именно ты, а не он?

Дантон (*пожимая плечами*) . Потому что только я на это способен... (*после небольшого молчания*) и потому что я сильнее его.

Камилл . А все-таки ты ненавидишь Робеспьера.

Дантон . Ненависть чужда моей душе. Я человек не желчный, и не потому чтоб я был добродетелен (я не знаю, что такое добродетель), — такой уж у меня темперамент.

Камилл . А ты не боишься предоставить поле действия врагу?

Дантон . Пустое! Я знаю его, как свои пять пальцев: он способен довести пьесу до четвертого действия, но развязка ему роковым образом не дается.

Камилл . А до тех пор сколько он причинит зла! Твоя мощь — это единственный противовес режиму насилия и фанатического террора. А как же ты поступишь со своими друзьями? Бросишь на произвол судьбы?

Дантон . Я им же окажу услугу, если на некоторое время сложу свои полномочия. Сейчас на них вымещают тот страх, который я внушаю своим врагам. Как только зависть перестанет мучить Робеспьера, он меня послушается. Когда же я буду представлять не одну какую-нибудь партию, а все человечество, руки у меня будут развязаны. С людьми нужно

обращаться, как с детьми, и уступать им игрушку, к которой они тянутся от жадности, — уступать для того, чтобы из-за глупого упрямства они не натворили бед себе и нам.

Камилл . Ты слишком великодушен. Никто не поймет такой самоотверженности. Робеспьер не поверит, что ты устранишься по доброй воле; его подозрительный ум станет в этом искать — и отыщет — макиавеллиевы козни. Смотри, как бы твои враги не воспользовались твоим отречением, чтобы нанести тебе удар.

Дантон . Дантон не отрекается — он временно выходит из боя, но он всегда готов вернуться. Будь спокоен: я один сильнее их всех. Такие люди, как я, не боятся забвения: когда они умолкают хотя бы на миг, в мире тотчас же образуется страшная пустота и никто не в силах ее заполнить. Тем, что я устраниюсь, я лишь способствую своей популярности. Вместо того чтобы бороться с ахейцами за власть, я предоставляю ей самой раздавить их слабые плечи.

Камилл . Прежде всего они употребят свою власть, чтобы покончить с тобой. Вадье спустит на тебя всю свою свору.

Дантон . Я их всех расшвыряю! Я привык биться с чудищами. В детстве я любил дразнить быков. Мой приплюснутый нос, рассеченная губа, вся моя рожа — вот память об их окровавленных рогах. Как-то раз в поле я с громким криком бросился на полудиких кабанов, и они мне пропоролы живот. Так мне ли бояться всяких Вадье? Притом они слишком трусливы.

Камилл . А если все же осмелятся? Чтобы придать себе храбрости, они вызвали из армии Сен-Жюста, — говорят, они только его и ждут.

Дантон . Ну что ж, если они меня доведут до крайности, вся ответственность ляжет на них! Я человек толстокожий, обиды сношу легко. Но когда я на них брошусь, я не успокоюсь до тех пор, пока не перебью всех до одного. Жалкие людишки! Я проглочу их сразу!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Робеспьер, Люсиль.

Люсиль (*поспешно вбегает и бросается к Камиллу; испуганно*) . Робеспьер!..

Входит Робеспьер, холодный, невозмутимый, и без единого жеста окидывает всех быстрым и зорким взглядом.

Камилл (*с несколько насмешливым видом спешит ему навстречу*) . А, дорогой Максимилиан, ты как раз кстати! Хотя тебя и не было с нами, ты целый час держал в своих руках нить нашего разговора.

Дантон (*в смущении*) . Здравствуй, Робеспьер.

Дантон не решается протянуть ему руку — он ждет, чтобы его соперник сделал первый шаг. Робеспьер ему не отвечает; он холодно пожимает руку Люсиль и Камиллу, кивает Дантону и садится. Камилл и Дантон стоят. Люсиль все время в движении.

Люсиль . Как это мило с твоей стороны, что, несмотря на свою занятость, ты выбрал время к нам заглянуть! Сядь поближе к огню. На улице туман — сырость до костей пробирает. Как поживают твои дорогие хозяева — гражданка Дюпле и моя приятельница Элеонора?

Робеспьер . Благодарю, Люсиль. Камилл, мне нужно с тобой поговорить.

Люсиль . Ты хочешь, чтобы я ушла?

Робеспьер . Нет, не ты.

Камилл (*останавливает Дантона, который собирается удалиться*) . Дантон — наш

единомышленник во всем.

Робеспьер . Так говорит молва. Я не хотел этому верить.

Дантон . Разве тебе это неприятно?

Робеспьер . Может быть, и неприятно.

Дантон . Ничего не поделаешь. Есть вещи, которых ты не можешь изменить: Дантона любят.

Робеспьер (*презрительно*) . Самое слово «любовь» звучит пошло, и в жизни она встречается редко.

Дантон (*злобно*) . Говорят, есть люди, которые совсем не знают любви.

Робеспьер (*после небольшого молчания, ледяным тоном, нервно потирая руки*) . Я пришел сюда не для разговоров о распутстве Дантона... Камилл, ты упорно, несмотря на мои предостережения, следуешь по тому пути, на который тебя толкнули дурные советчики и твое собственное легкомыслие. Твой вредоносный памфлет всюду во Франции сеет раздоры. Ты расточаешь свое остроумие на то, чтобы подрывать доверие к людям, которые необходимы Республике. Всякого рода реакционеры в борьбе против Свободы прибегают к помощи твоих сарказмов. Я долго укрощал ту ненависть, которую ты возбуждаешь к себе, я дважды тебя спасал, но я не стану спасать тебя вечно. Государство возмущено заговорами мятежников — я не могу идти против государства.

Камилл (*уязвленный, язвительным тоном*) . Обо мне, пожалуйста, не беспокойся. Твое участие, Максимилиан, меня трогает, но я не нуждаюсь ни в ком: я сумею защитить себя сам, меня не нужно водить на помочах.

Робеспьер . Не спорь, гордец. Только твое легкомыслие может служить тебе оправданием.

Камилл . Да я и не собираюсь оправдываться. Мои заслуги перед родиной велики. Я защищаю Республику от республиканцев. Я говорил открыто, я говорил правду. Раз не всякую правду можно высказывать, значит, Республики больше нет. Девиз Республики — это ветер, бушующий над морем: *Tollunt, sed attollunt!* Ветер волнует море, но он же его и вздымает!

Робеспьер . Республики еще нет, Демулен. Мы ее создаем. С помощью Свободы свободного строя установить нельзя. Подобно Риму в годину испытаний, наше государство перед лицом опасности подчинилось диктатуре для того, чтобы преодолеть все препятствия и победить. Смешно было бы думать, что, в то время как Европа вместе с нашими внутренними врагами грозитя не оставить от Республики камня на камне, мы вправе все говорить, все делать и своими словами и действиями играть на руку неприятелю.

Камилл . Чем же я играю ему на руку? Я защищал прекраснейшие идеи: братство, святое равенство, мягкость республиканских законов, *res sacra miser*⁶, то уважение к страданиям, которым проникнута наша прекрасная конституция. Я учил любить Свободу. Я стремился к тому, чтобы перед взором народов засверкал лучезарный образ счастья.

Робеспьер . Счастье! Этим злополучным словом вы и привлекаете к себе всех эгоистов и сластолюбцев. Кто не хочет счастья? Но мы предлагаем людям счастье не Персеполиса, а Спарты. Счастье — это добродетель. А вы, вы злоупотребляете этим священным словом, чтобы возбудить в сердцах негодяев желание того преступного благоденствия, которое состоит в забвении других людей и в наслаждении излишествами. Постыдная мысль! Из-за нее пламя Революции могло бы потухнуть. Пусть Франция научится страдать, пусть находит радость в страданиях ради Свободы, пусть жертвует своим благополучием, покоем, привязанностями ради счастья всего мира!

Камилл (*учтиво-насмешливым тоном, который внезапно, к концу тирады, становится колким и резким*) . Пока ты говорил, Максимилиан, мне пришло на память нечто во вкусе Платона. «Когда я слышу, — сказал бы доблестный полководец Лахес, — когда я

⁶ Я, несчастный, защищал святое дело (*лат.*).

слышу, как человек славит добродетель, и человек этот представляет собой истинного санкюлота, достойного тех речей, которые он произносит, я испытываю неизъяснимое наслаждение. Мне тогда кажется, что это единственный музыкант, достигающий совершенной гармонии, ибо все свои поступки он приводит в согласие со своими словами — и не по якобинской или женевской моде, а на французский лад, который один только и заслуживает названия республиканской гармонии. Когда со мной говорит такой человек, я вне себя от радости, я похож на тех безумцев, что пьянеют от красноречия, — так жадно я впиваю в себя каждое его слово. Но кто славит добродетель, а в жизнь ее не претворяет, тот причиняет мне горькую обиду, и чем он кажется красноречивее, тем большее отвращение внушает мне его музыка». *(В конце монолога Демулен поворачивается к Робеспьеру спиной.)*

Робеспьер, не произнося в ответ ни единого слова и не сделав ни единого жеста, встает, с тем чтобы уйти. Люсиль, встревоженная направлением, какое принял разговор, и не спуская глаз с Робеспьера, берет его за руку и пробует заговорить с ним шутливо.

Люсиль *(указывая на Камилла)* . В этом противном мальчишке сидит дух противоречия. Ты не можешь себе представить, как он иногда меня злит! Милый Максимилиан, вы оба ничуть не изменились. Спорите, как, бывало, в школе, в Аррасе.

От Робеспьера по-прежнему веет холодом; он ничего ей не отвечает и собирается уходить.

Дантон *(с самым приветливым видом подходит к Робеспьеру и уже совершенно иным тоном)* . Робеспьер, мы все трое не правы. Дадим друг другу слово быть отныне послушными одному только разуму и для блага родины позабудем взаимные наши обиды. Я первый подхожу к тебе и протягиваю руку. Прости мне мою минутную вспышку.

Робеспьер . Дантон воображает, что одним словом может загладить нанесенные им оскорбления. Обидчику нетрудно позабыть обиды, которые причинил он.

Дантон . Я, по-видимому, ошибочно приписываю моим противникам свойственное мне великодушие. Но благо Республики для меня важнее всего: она нуждается и в моей энергии и в твоих добродетелях. Если тебе противна моя энергия, то мне отвратительны твои добродетели: мы квиты. Сделай, как я: зажми себе нос, и мы вместе спасем отечество.

Робеспьер . Я не думаю, что есть люди, без которых отечество не могло бы обойтись.

Дантон . Так рассуждают все завистники. Прикрываясь этими красивыми фразами, они выхолащивают все, что составляет силу Нации.

Робеспьер . Сила, не внушающая доверия, это уже не сила!

Дантон . Ты мне не доверяешь? Ты придаешь значение сплетням, которые ходят обо мне, бреду Билло-Варенна? Посмотри на меня. Похож я на лицемера? Ненавидьте меня, но не подозревайте!

Робеспьер . О человеке судят по его делам.

Дантон . Какие же такие за мной дела?

Робеспьер . Ты равно благожелателен ко всем партиям.

Дантон . Все несчастные вызывают во мне сострадание.

Робеспьер . Кто хвастается, что ни к кому не испытывает ненависти и в самом деле не испытывает ее к врагам Республики, тот подрывает мощь Республики. Жалость к палачам становится жестокостью по отношению к жертвам. Из-за этой снисходительности нам пришлось сровнять с землей целые города — один день снисходительности обойдется нам в тридцать лет гражданской войны.

Дантон . Ты всюду видишь преступления — это безумие! Если ты болен, так лечись сам, но не заставляй здоровых людей принимать лекарство. Республика сама себя губит. Еще есть время прекратить этот бессмысленный, дикий террор, истошающий Францию. Но если ты будешь медлить, если ты не присоединишься к нам, то сам потом не справишься с его

разрушительной силой. Ты попытаешься, но будет уже поздно: огонь террора сожжет тебя вместе с другими, он сожжет тебя прежде других. Несчастный, неужели ты не понимаешь, что в тот день, когда не станет Дантона, следующий удар обрушится на тебя? Ведь это я до поры до времени защищаю тебя от пожара.

Робеспьер (*отстраняется от Дантона; холодно*) . Ну и пусть он меня сожжет!

Камилл (*тихо Дантону*) . Ты увлекся, Дантон, ты задел его самолюбие.

Дантон . Во имя отечества, Робеспьер, во имя того отечества, которое мы с тобой одинаково горячо любим и ради которого мы отдали все, даруем полную амнистию всем друзьям и недругам, лишь бы они любили Францию! Да смоем эта любовь все подозрения и все ошибки! Где нет любви, там нет и добродетели. Где она есть, там нет места преступлению.

Робеспьер . Без добродетели нет и отечества!

Дантон (*настойчиво, с угрозой*) . Я еще раз предлагаю тебе мир. Подумай о том, чего мне стоит сделать первый шаг. Но я готов претерпеть любое унижение, если это ко благу Республики. Протяни мне руку, освободи Фабра, верни Вестермана в армию, защити Эро и Филиппо от тех, кто жаждет их крови!

Робеспьер . Я рожден бороться с преступниками, а не управлять ими.

Дантон (*еле сдерживаясь*) . Так ты хочешь войны, Робеспьер? Подумай хорошенько.

Робеспьер (*невозмутимо поворачивается к Дантону спиной и обращается к Демулену*) . Камилл, в последний раз: прекрати свои нападки на Комитет.

Камилл . Пусть не подает повода для нападков!

Робеспьер . Подчинись вместе со всеми воле Нации.

Камилл . Я тоже представитель Нации, я имею право говорить от ее имени.

Робеспьер . Ты должен быть для нее образцом законопослушания.

Камилл . Мы отлично знаем, как издаются законы. Все мы, Робеспьер, адвокаты, прокуроры, законоведы, и нам известно, что скрывается под величием закона. Я бы от души посмеялся над нашим с тобой словопрением, если бы не мысль о слезах, что льются из-за той комедии, которую мы разыгрываем. Слишком дорого мы стоим людям. Даже добродетель нельзя покупать такой ценой, не говоря уже о преступлении.

Робеспьер . Кто не в силах исполнять свою обязанность, тот не должен ее на себя принимать. А кто принял, тот должен молча идти вперед, пока не рухнет под этим бременем.

Камилл . Я готов пожертвовать собой, но не другими.

Робеспьер . Прощай. Вспомни Эро.

Камилл . Почему ты заговорил об Эро?

Робеспьер . Эро арестован.

Дантон и Камилл . Арестован? Он только что был здесь.

Робеспьер . Я знаю.

Люсиль . Но что же он сделал? В чем его преступление, Максимилиан?

Робеспьер . Его дом служил убежищем изгнаннику.

Камилл . Он не мог не исполнить свой долг.

Робеспьер . А Комитет исполнил свой.

Дантон (*вскипев*) . Ты что же, негодяй, бросаешь мне вызов? Ты задумал перерезать нас всех, одного за другим? Сначала ты обламываешь могучие ветви дуба, а потом доберешься и до ствола?.. Мои корни уходят глубоко в землю, в самое сердце французского народа. Ты сможешь вырвать их только вместе с Республикой. Падая, я раздавлю вас всех, и те мерзкие крысы, которые сейчас меня грызут, погибнут первые. Вам, видно, придает смелости мое долготерпение? По мне нагло ползают паразиты... Это уж слишком! Лев взмахнет гривой... Да неужели ты не понимаешь, ничтожество, что если б я захотел, я бы тебя раздавил, как вошь?.. Хорошо, война так война! Во мне вновь пробудился пыл минувших битв. Я слишком долго молчал, но теперь мой голос зазвучит опять и двинет Нацию на борьбу с тиранами.

Камилл . Мы возьмем приступом новый Тюильри. «Старый кордельер» скамандует:

«В атаку!»

Робеспьер, не поведя бровью, направляется к двери. Люсиль в смертельном страхе, не в силах выговорить ни слова, на секунду уходит в соседнюю комнату, сейчас же возвращается с ребенком на руках и подносит его к Робеспьеру.

Люсиль . Максимилиан!..

Робеспьер оборачивается, бросает нерешительный взгляд на маленького Горация, затем улыбается ему, берет его на руки и садится. Поцеловав ребенка, он поднимает глаза на Люсиль и Камилла. Затем, все так же молча передает ребенка Люсиль и, ни на кого не глядя, уходит. Вся эта немая сцена ведется очень строго, никто из ее участников, за исключением Люсиль, не обнаруживает никаких внешних признаков волнения.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Люсиль, Камилл, Дантон.

Камилл . Бедняжка Люсиль, ты обеспокоена?

Люсиль . Камилл, Камилл, как ты неосторожен!

Камилл . Ты же сама меня настроила.

Люсиль . Ах, я теперь раскаиваюсь!

Камилл . Надо говорить то, что думаешь. Да и потом... *(Пожимает плечами.)* А, мне бояться нечего! В глубине души он меня любит, он меня всегда защитит!

Люсиль . Мне страшно.

Камилл . Ему еще страшней, чем нам, — голос Дантона уже оказал на него свое действие. Робеспьер принадлежит к числу людей, которые непременно должны бояться тех, кого они любят. Идем! Нам надо повидаться с друзьями, сговориться с ними. Время не ждет... Пойдем, Дантон.

Дантон *(не двигаясь с места, озабоченно)* . Да, да... Куда нам нужно идти?

Камилл . Пойдем к Филиппо, к Вестерману, спасем Эро.

Дантон . Завтра... завтра.

Камилл . Завтра будет поздно.

Дантон *(очень печально и очень ласково)* . Люсиль! Почитай мне что-нибудь, поиграй, утешь меня.

Люсиль . Что с тобой?

Становится сзади него и опирается на его плечо; он берет ее руку и прижимается к ней щекой.

Дантон . О, Республика! Уничтожить самого себя! Уничтожить дело рук своих, уничтожить Республику! Победители или побежденные — не все ли равно? В обоих случаях — побежденные!

Камилл . В обоих случаях — победители, венчанные славой!

Дантон *(решительным движением поднимается с кресла)* . Идем! И пусть грохот падения Республики Ужаснет весь мир!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната Робеспьера в доме Дюпле. Одно окно. Две двери. Белые голые стены. Кровать орехового дерева с пологом из камки, по синему полю которого вытканы белые цветы. Очень скромный письменный стол. Несколько соломенных стульев. Этажерка с книгами. На подоконнике стакан с цветами. На авансцене, посередине, маленькая печка; по одну ее сторону стул, по другую — скамейка. Дверь налево ведет в комнату Дюпле. Окно выходит во двор — там работают столяры. Слышно, как они забивают гвозди, строгают, пилят.

Робеспьер, один, сидит за письменным столом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Госпожа Дюпле, Робеспьер.

Госпожа Дюпле (*приотворяя дверь*) . Максимилиан, я тебе не помешаю?

Робеспьер (*приветливо улыбаясь*) . Нет, гражданка Дюпле. (*Протягивает ей руку.*)

Госпожа Дюпле . Вечно за работой. Эту ночь ты не спал.

Робеспьер . Я был в Комитете.

Госпожа Дюпле . Я слышала, когда ты пришел. В четвертом часу. Отчего ты не поспал подольше утром?

Робеспьер . Ты знаешь, я мало сплю — я приучил мое тело слушаться меня.

Госпожа Дюпле . Ты мне обещал по ночам не засиживаться. Ты переутомляешься, так недолго и заболеть. Что с нами тогда будет?

Робеспьер . Бедные мои друзья, вам волей-неволей придется привыкать обходиться без меня. Я с вами не на век.

Госпожа Дюпле . Разве ты хочешь нас покинуть?

Робеспьер (*с искренним пафосом*) . Нет, не хочу. И все же я покину вас скорее, чем вы думаете.

Госпожа Дюпле . Я тебе это запрещаю. Я хочу уйти первая, но я не тороплюсь.

Робеспьер (*улыбаясь*) . Я был бы спокойнее, если бы знал, что мною не так дорожат.

Госпожа Дюпле . Как же это? Ты не рад тому, что тебя любят?

Робеспьер . Для Франции было бы лучше, если бы она поменьше думала о Робеспьере и побольше о Свободе.

Госпожа Дюпле . Свобода и Робеспьер — это одно неразрывное целое.

Робеспьер . Поэтому-то я за нее и беспокоюсь. Я боюсь за ее здоровье.

Госпожа Дюпле (*подходит к окну*) . Какой грохот стоит у нас во дворе! Я убеждена, что тебя раздражает стук молотка и скрежет рубанка. Двадцать раз я просила Дюпле, чтобы рабочие не приходили так рано, — ведь они тебя будят, — но он говорит, что ты запретил нарушать заведенный порядок.

Робеспьер . Совершенно верно. Эта размеренная работа меня успокаивает. Физический труд благотворен не только для тех, кто им занимается, но и для окружающих. Мы ночи напролет не спим, вынуждены не спать, наша мысль напряжена, и вот на утро физический труд освежает спертый, губительный для нас воздух.

Госпожа Дюпле . Какое же дело не давало тебе сегодня спать?

Робеспьер . Не дело, а заботы.

Госпожа Дюпле . У тебя такой встревоженный вид, как будто вот-вот разразится катастрофа.

Робеспьер . Да, катастрофа.

Госпожа Дюпле . А ты не можешь предотвратить ее?

Робеспьер . Напротив, я должен ее вызвать.

Госпожа Дюпле . Я не имею права тебя расспрашивать, но все-таки не будь сегодня

таким хмурым. У нас в доме праздник: ночью приехали из армии Леба и Сен-Жюст.

Робеспьер . Сен-Жюст приехал? Отлично. Я нуждаюсь в его твердости.

Госпожа Дюпле . Забыла сказать: к тебе генерал приходил, генерал Вестерман. Он явился ни свет ни заря, и я его не пустила. Сказал, что придет через час. Принять его?

Робеспьер . Не знаю.

Госпожа Дюпле . Он долго ждал во дворе. Под дождем.

Робеспьер . Так, так.

Госпожа Дюпле . Какая ужасная была ночь! Я насквозь промокла.

Робеспьер . А ты куда ходила?

Госпожа Дюпле . На рынок. С двенадцати часов ночи стояла в очереди. Толкотня! Нельзя ни на мгновение закрыть глаза: сейчас же оттеснят. Когда отворили ворота, началась драка. Ну да я умею за себя постоять. В конце концов удалось получить три яйца и четверть фунта масла.

Робеспьер . Три яйца на всю семью — маловато.

Госпожа Дюпле . Для Элеоноры, для Елизаветы и для тебя, — ведь у меня трое детей.

Робеспьер . Милая мама, неужели ты думаешь, что я стану вырывать у вас кусок изо рта?

Госпожа Дюпле . Ты не имеешь права отказываться: я стояла в очереди из-за тебя. Ты нездоров, желудок у тебя больной. Вот если б тебе еще мяса! Но ты ведь запретил его покупать.

Робеспьер . Мясо исчезает — надо беречь его для солдат и для больных. Мы издали декрет о гражданском посте. Я и мои товарищи должны показать пример воздержания.

Госпожа Дюпле . Не все так совестливы, как ты.

Робеспьер . Я знаю. Я сам видел, как некоторые пировали, когда кругом голодают, — мне это отвратительно. Каждая такая трапеза могла бы насытить тридцать защитников родины.

Госпожа Дюпле . Вот беда! Ни мяса, ни птицы, ни молочных продуктов. Овощи — для армии. В довершение всего нечем топить. Вот уже вторую ночь Дюпле стоит в очереди за углем и возвращается с пустыми руками. К дровам приступить нет. Знаешь, сколько с меня запросили за вязанку? Четыреста франков! Хорошо, что весна на дворе. Еще один месяц — и нам пришлось бы туго. Сколько я на свете живу, а такой суровой зимы не припомню.

Робеспьер . Да, ты настрадалась, все вы, бедные женщины, настрадались, но с каким мужеством переносили вы свои страдания! Признайся, однако, что у вас были не одни только невзгоды, — были и радости, которых вы не знали прежде: вам всем, от мала до велика, выпала на долю радость содействовать святому делу — делу освобождения всего мира.

Госпожа Дюпле . Это правда, я счастлива. Чтобы нас ни ожидало впереди, это тяжелое время — лучшее время нашей жизни. Наши страдания — не те обычные, бессмысленные страдания, от которых никому никакой пользы. Каждый из нас недоедает, чтобы легче жилось Нации. И этим чувством гордости мы обязаны тебе, Максимилиан! Вчера вечером я стирала и думала: я простая женщина, я не знаю, чем буду жить завтра, и я так устала каждый день гоняться за хлебом насущным, а все-таки я тружусь на благо отечества, мои страдания не напрасны, каждое мое усилие ускоряет победу, я иду вместе с вами во главе человечества!

Рабочие (*поют во дворе*) .

Строгай, пили, добывая победу,
Пике дай древко, ружью — приклад.
Трудись, хоть сегодня ты не обедал,
Чтобы Республики нашей солдат
Ни в чем отказу не ведал.

Госпожа Дюпле (*улыбаясь*) . Они кончили заказ для Северной армии. В животе у них пусто, но они довольны.

Робеспьер . Народ прекрасен! Как отрадно составлять его часть! Разве можно простить тем, кто пытается замутить этот источник самоотречения и самопожертвования?

За сценой рычит Вестерман.

Госпожа Дюпле . Это генерал. Он сердится.

Робеспьер . Впусти его.

Госпожа Дюпле уходит. Робеспьер мельком оглядывает себя в зеркале. Лицо его мгновенно принимает иное выражение: становится суровым, бесстрастным, холодным.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Робеспьер, Вестерман.

Вестерман (*врывается в комнату*) . Проклятье! Еще бы подольше не впускал! Битых два часа торчу у твоих дверей. Черт знает что! К тебе трудней войти, чем в вандейский город...

Робеспьер, заложив руки за спину, неподвижный, непреклонный, поджав губы, смотрит Вестерману в глаза. Вестерман было осекся, потом заговорил снова.

Я уж думал, ты не хочешь меня принять. Демулен предупреждал, что меня к тебе могут не пустить. А я поклялся, что войду, даже если бы для этого надо было прошибить твою дверь пушками... (*Смеется.*) Ты не сердись, что я по-солдатски рублю сплеча?

Робеспьер упорно молчит.

(*Вестерман, все более и более смущаясь, старается принять развязный тон.*) Ну и охрана же у тебя, черт побери! У двери хорошенькая девушка на часах штопает чулки. Строгая девица! Неподкупная, как и ты. Хоть перешагивай через нее. Во вражеской стране я бы с удовольствием... (*Неестественно смеется.*)

Робеспьер молчит, постукивая пальцами от нетерпения. Вестерман садится, старается держаться непринужденно. Робеспьер продолжает стоять. Вестерман поднимается.

Дураки говорят, будто ты мой враг. А я не верю. Доблесть против доблести! Еще чего! Разве Аристид может быть врагом Леонида? Бастион Республики и оплот отечества для того и существуют, чтоб друг друга поддерживать. Такие ребята, как мы с тобой, для которых слава Нации превыше всего, непременно столкнутся, верно? (*Протягивает ему руку.*)

Робеспьер неподвижен и безмолвен.

Ты не желаешь подать мне руку?.. Черт! Стало быть, это правда? Ты мне враг? Ты задумал погубить меня? О подлость! Если б я только знал!.. Да что я тебе — последняя сволочь, что ты два часа держишь меня во дворе, а когда меня, наконец, впускают, не предлагаешь мне даже сесть, и я стоя говорю с тобой, а ты молчишь? Скотство! (*Топает*

ногой.)

Робеспьер (*ледяным тоном*) . Вы на неправильном пути, генерал. От Леонида далеко до Папаша Дюшена. Это место опасное, черпать оттуда примеры я вам не советую.

Вестерман (*озадачен*) . Какое место?

Робеспьер . Площадь Революции.

Вестерман (*в полном недоумении*) . Но, гражданин, что же я такого сделал? В чем меня обвиняют?

Робеспьер . Это вам скажут в Комитете общественного спасения.

Вестерман . Я заслужил право знать об этом заранее.

Робеспьер . Спросите вашу совесть.

Вестерман . Мне не в чем себя упрекнуть.

Робеспьер . Жалок тот человек, который перестает слышать укоры совести.

Вестерман (*старается держаться спокойно, но голос его дрожит от боли и гнева*) . Я укоряю себя в одном: зачем я отдал жизнь такому неблагодарному отечеству? Тридцать лет я терплю ради него всевозможные лишения. Десять раз я спасал его от нашествия врагов. Моих заслуг оно не ценило никогда. Слушают первого попавшегося клеветника, который меня оговаривает, придают значение анонимным письмам солдат, которых я наказал за трусость; меня обвиняют, мне грозят, меня понижают по службе; остолопы, чинодралы, прохвосты мною помыкают; я должен подчиняться какому-то Росиньолю, безмозглому ювелиру, который ничего не понимает в военном деле, который известен только тем, что поминутно садится в лужу, все заслуги которого состоят в том, что он вышел из грязи и что ему покровительствуют якобинцы. Клебер, Дюбайе и Марсо — последние спицы в колеснице, а ниортский лавочник командует двумя армиями!

Робеспьер . Республика больше обращает внимание на то, сколь тверды в командире его республиканские убеждения, чем на его военное искусство.

Вестерман . А Республика принимает во внимание неудачи Росиньоля?

Робеспьер . Ответственность за неудачи Росиньоля ложится не на него, а на тех, кто его окружает. Если Клебер, Дюбайе и Вестерман так гордятся своими способностями, почему же они не помогают начальнику, которого им дала Нация?

Вестерман . Так вы хотите отнять у нас нашу славу?

Робеспьер . Да.

Вестерман . Признайтесь: наша военная слава вас пугает, вы хотите, чтобы она померкла?

Робеспьер . Да.

Вестерман (*запальчиво*) . Она задевает честолюбие адвокатов?

Робеспьер . Она оскорбляет разум, она угрожает Свободе. Чем вы так гордитесь? Вы только исполняете свой долг. Вы рискуете жизнью? В той смертельной борьбе с деспотизмом, которую мы все сейчас ведем во Франции, каждый из нас ставит свою голову на карту. Вы что же, меньше боитесь смерти, чем мы? Все мы привыкли к мысли, что впереди смерть или победа. Вы, как и мы, только орудия Революции, топоры, которые обязаны проложить дорогу Республике, врубаясь в ряды неприятеля. Это тяжелая задача, и браться за нее надо без малодушия, но и без заносчивости. У вас нет никаких оснований гордиться пушками, так же как и у нас — гильотиной.

Вестерман . Ты глумишься над величием войны.

Робеспьер . Величественна только добродетель. В ком бы она ни проявлялась — в солдатах, рабочих, законодателях, — Республика сумеет ее почтить. Но преступники пусть трепещут! Ничто не защитит их от ее кары: ни воинские звания, ни шпаги.

Вестерман . Это ты мне грозить?

Робеспьер . Я никого не называл. Горе тому, кто выдает себя с головой.

Вестерман . Проклятье! (*Смотрит угрожающе, но на Робеспьера это не производит никакого впечатления; дрожа всем телом, он неуверенно направляется к выходу. Обернувшись.*) Берегись, Сулла! Моя голова крепче держится на плечах, чем у Кюстина.

Есть еще люди, которые не боятся твоей тирании. Я иду к Дантону. *(Натыкается на стену, затем, хлопнув дверью, уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Робеспьер, Элеонора Дюпле.

Элеонора *(выходит из двери, ведущей в комнаты Дюпле)* . Наконец-то! Ушел! Ах, Максимилиан, как я волновалась, пока он был у вас!

Робеспьер *(ласково улыбаясь)* . Милая Элеонора! Вы все слышали?

Элеонора . Меня напугал голос этого человека. Я не могла удержаться: я все время была здесь, рядом, в маминой спальне.

Робеспьер . А если б он пришел сюда с недобрым умыслом, что бы вы сделали?

Элеонора *(в замешательстве)* . Не знаю.

Робеспьер *(берет ее за руку, которую Элеонора прячет за спиной)* . Что это?

Элеонора *(вспыхнув)* . Пистолет Филиппа — он пришел домой ночью и оставил его на столе.

Робеспьер *(отбирает у нее пистолет и задерживает ее руку в своей)* . Нет, нет, эти руки не должны осквернять себя прикосновением к смертоносному оружию! Они не должны проливать кровь даже ради спасения моей жизни. Пусть останутся в мире хотя бы две дружеские, две невинные руки, и пусть они смоют со всего мира и с сердца Робеспьера следы кровавого жребия... после того как цель будет достигнута...

Элеонора . Но зачем же так рисковать? Вы его разозлили, а про него говорят, что он свиреп.

Робеспьер . Я не боюсь этих рубак. Стоит увести их с поля битвы — и они только без толку шумят, в этом вся их удаля. У них начинают дрожать колени, когда они сталкиваются с новой для них силой, с которой их оружие никогда не скрещивалось в боях, — с законом.

Элеонора . Приходил еще гражданин Фуше, но по вашему распоряжению его не приняли.

Робеспьер . Моя дверь навсегда заперта для того, кто лионской резней унизил величие террора.

Элеонора . Он не хотел уходить, он плакал.

Робеспьер *(сурово)* . Это крокодиловы слезы.

Элеонора . Он пошел просить вашу сестру, чтобы она за него заступилась.

Робеспьер *(меняясь в лице, тревожно, боязливо)* . Ах, боже мой, она придет сюда!.. Этот пройдоха уверил ее, что он ее любит, она его не уважает, но женщине льстит всякое поклонение, от кого бы оно ни исходило. Она придет за него просить. Ради бога не впускайте ее! Скажите, что я занят и никого не принимаю.

Элеонора *(улыбаясь)* . Вам не страшны все тираны Европы, а родной сестры вы боитесь.

Робеспьер *(улыбаясь)* . Моя сестра — хорошая женщина, она меня любит. Но она такая надоедливая! Постоянно устраивает мне сцены ревности, у меня от них голова идет кругом. Я готов все для нее сделать, только бы она замолчала.

Элеонора . Не беспокойтесь: маму я предупредила, она ее не впустит.

Робеспьер . Дорогие друзья, как заботливо вы охраняете мой покой!

Элеонора . Мы за него в ответе перед Нацией.

Робеспьер . Как мне хорошо в вашем доме! Я отдыхаю у вас душой. Это не убежище эгоиста, защищенное от бурь. Двери здесь всегда широко раскрыты для забот об отечестве, но ваш дом придает им нечто еще более возвышенное. Здесь мужественно принимают удары судьбы, не сгибаясь, глядя ей прямо в глаза. Когда я вхожу сюда, я впиваю в себя вместе с запахом свежеструганного дерева разлитые в воздухе мир и надежду. Честное лицо Дюпле,

ласковый голос вашей матушки, ваша рука, Элеонора, которую вы, улыбаясь, братски протягиваете мне, искренняя приязнь всей вашей семьи, — через это я познаю самое бесценное, самое редкостное благо, которого мне особенно не хватает и в котором я особенно нуждаюсь!

Элеонора . Какое благо?

Робеспьер . Доверие.

Элеонора . Вы кому-нибудь не доверяете?

Робеспьер . Я не доверяю всем людям. Я читаю ложь в их взглядах, я различаю скрытый подвох в их словах. Их глаза, уста, рукопожатия — все тело их лжет. Подозрительность отравляет мои помыслы. Я рожден для более нежных чувств. Я люблю людей, я хотел бы им верить. Но как могу я им верить, когда вижу, что они в течение дня десять раз лжесвидетельствуют, идут на любые сделки, продают своих друзей, продают свою армию, продают свое отечество, — из трусости, из тщеславия, от собственной порочности, по злему умыслу? При мне совершали предательства Мирабо, Лафайет, Дюмурье, Кюстин, король, аристократы, жирондисты, эбертисты. Если бы войска ежеминутно не чувствовали за собою тень гильотины, они давно бы уже сдались неприятелю. Три четверти Конвента в заговоре против Конвента. Порок боится поднять голову только потому, что Революция его обуздывает героической дисциплиной. Он не смеет открыто напасть на добродетель, он скрывается под личиной сострадания, милосердия, он обманывает общественное мнение, пытается склонить его на сторону негодяев, настроить его против патриотов. Я сорву с него личину, я покажу Национальному собранию, что под нею скрывается отвратительное лицо измены, я заставлю тайных сообщников осудить заговор или погибнуть вместе с заговорщиками. Республика выстоит, но, боже мой, среди скольких развалин! Порок — это гидра. Каждая капля ее крови родит новых чудовищ. Заражаются лучшие люди, один за другим. Третьего дня Филиппо, вчера Дантон, сегодня Демулен... Демулен, мой друг детства, мой брат!.. Кто окажется изменником завтра?

Элеонора . Что же это такое? Столько предательств? И у вас есть улики?

Робеспьер . Да, и даже больше чем улики: у меня есть внутренняя уверенность, а это такой светоч, который никогда еще меня не обманывал.

Элеонора . Да вы и не можете обмануться, вы знаете все, вы читаете в сердцах людей. Но неужели же все они продажны?

Робеспьер . Я уважаю человек пять, не больше: честного Кутона, который забывает о своих страданиях и думает только о страданиях человечества; милого, скромного Леба; моего брата, человека благородного, но слишком любящего удовольствия; двух младенцев и одного умирающего.

Элеонора . А Сен-Жюста?

Робеспьер . Его я боюсь. Сен-Жюст — одушевленный меч Революции, неумолимое оружие, он и мною пожертвует ради своего железного закона. Все прочие — изменники. Моя пронизательность связывает им руки, любовь народа ко мне вызывает у них зависть, и они всеми силами стараются очернить меня. Проконсулы Марсея и Лиона прикрывают свои зверства именем Робеспьера. Контрреволюция выступает то под маской милосердия, то под маской террора. Если я хотя бы на миг поддамся усталости — конец мне, конец Республике. Кутон болен. Леба и мой брат — сумасброды. Сен-Жюст далеко, укрощает армию. Я один среди всех этих предателей, и они все ходят вокруг меня и пытаются нанести мне удар в спину. Они меня убьют, Элеонора.

Элеонора (*с порывистостью юности берет его за руку*) . Если вы умрете, то умрете не один.

Робеспьер с нежностью смотрит на нее. Она краснеет.

Робеспьер . Нет, дорогая Элеонора, вы не умрете. Я сильнее моих низких врагов. Со мною истина.

Элеонора . Вы должны быть счастливы — ведь вы трудитесь для всеобщего счастья, а вас гнетут заботы. Как несправедлива жизнь!

Робеспьер . Я расстроил вас. Я не должен был смущать ваше доверие к жизни. Простите.

Элеонора . Не жалеете. Я горжусь вашим доверием. Всю ночь я думала о тех страницах из Руссо, которые вы нам прочли вчера. Они веяли отрадой на мою душу. Я слышала ваш голос и эти дивные слова... О, я знаю их наизусть!

Робеспьер (*читает на память, с ласковой и чуть-чуть грустной улыбкой, напыщенным и вместе с тем искренним тоном*) . «Общение сердец придает печали нечто сладостное и трогательное, чего нет в наслаждении; дружба дарована была главным образом несчастным как облегчение страданий и утешение в горестях».

Элеонора, держа свою руку в руке Робеспьера, молча улыбается и заливаясь румянцем.

Что же вы молчите?

Элеонора (*продолжает*) . «Разве то, что говоришь другу, может сравниться с тем, что испытываешь, когда он тут, рядом?»

Госпожа Дюпле (*за сценой*) . Максимилиан! Сен-Жюст пришел.

Элеонора убегает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Робеспьер, Сен-Жюст.

Сен-Жюст входит медленным шагом. Робеспьер идет ему навстречу. Они пожимают друг другу руку с таким видом, как будто расстались всего несколько часов назад.

Сен-Жюст . Здравствуй.

Робеспьер . Здравствуй, Сент-Жюст.

Садятся.

Сен-Жюст (*смотрит на Робеспьера без тени улыбки*) . Я рад тебя видеть.

Робеспьер . Леба писал, что мы могли с тобой и не увидаться.

Сен-Жюст . Да. (*Помолчав.*) Туда нужно послать оружие. В армии не хватает ружей.

Робеспьер . Работа идет, весь Париж только этим и занят. Куют даже в церквах. Все другие работы приостановлены. Проходя по двору, ты мог видеть, как столяры Дюпле изготавливают деревянные части для ружей. Часовых дел мастера выделывают ружейные замки. Всюду на площадях звенят наковальни.

Сен-Жюст (*помолчав*) . Съестных припасов недостаточно. Целым дивизиям не хватает фуража. Время не ждет, военные действия начнутся через три недели самое позднее. Нужно, чтобы кровь всей Франции прилиwała к северу.

Робеспьер . Меры приняты. Франция голодает, чтобы накормить солдат.

Сен-Жюст . Как только я вам здесь перестану быть нужен, отпустите меня обратно. Уже от первых схваток будет зависеть многое. Необходимо напрячь все усилия.

Робеспьер . И силы тебе не изменяют?

Сен-Жюст (*без единого жеста, искренне, горячо убежденно*) . Я отдыхаю там от бесплодных препирательств. Вот где мысль и действие неотделимы друг от друга, как молния неотделима от столкновения туч. Всякое проявление воли мгновенно и навсегда

отпечатлевается в крови людей и на судьбах мира... Великая задача! Благодетельная тревога!.. Ночью на аванпостах, среди неприветливой снежной шири фламандской равнины, под бескрайним пасмурным небом, я чувствую, как по моему телу пробегает трепет восторга и как бурной волною кровь притекает к сердцу. Мы одни, мы затеряны во мраке вселенной, окружены врагами, стоим на краю могилы, но мы — хранители разума в Европе, мы несем ей свет. От каждого нашего решения зависит судьба всего мира. Мы пересоздаем человека.

Робеспьер . Счастлив тот, кого слабое здоровье не удерживает здесь, вдали от настоящего дела!

Сен-Жюст . Кто же еще делает больше, чем ты? Свобода всего мира — в Париже.

Робеспьер . Здесь истощаешь силы в борьбе с пороком. Ты невольно пачкаешься об него. Признаюсь, когда я вижу, как поток Революции несет вместе с добродетелью мерзость злодейства, я начинаю бояться, как бы грязное соседство развращенных людей не замарало и меня в глазах грядущих поколений.

Сен-Жюст . Поставь между ними и собою топор. Дотрагиваться до скверны должно только железом.

Робеспьер . Всюду разложение. Оно коснулось таких людей, на которых я особенно рассчитывал. Старинных друзей.

Сен-Жюст . Долой дружбу! Есть только отечество!

Робеспьер . Дантон угрожает. Это внушает нам подозрения. Он то и дело раздражается грубой бранью. Он окружает себя интриганам, развратниками, финансистами, у которых отняли их богатства, разжалованными офицерами. Вокруг него объединяются все недовольные.

Сен-Жюст . Да погибнет Дантон!

Робеспьер . Дантон был республиканцем. Он любил отечество. Вероятно, любит его и теперь.

Сен-Жюст . Кто оскорбляет отечество безнравственной жизнью, тот вовсе не любит его. Кому привились пороки и правила аристократии, тот вовсе не республиканец. Я ненавижу Катилину. Его циничная душа, пошлый ум, подлость политика, который лавирует между всеми партиями и всеми ими пользуется для своих целей, — все это унижает Республику. Дантона нужно сокрушить!

Робеспьер . Он увлекает за собою в пучину безрассудного Демулена.

Сен-Жюст . Демулен — это бесстыдный ритор, для которого несчастья родины только повод, чтобы показать, какой у него красивый слог, это честолюбивый остроумец, который ради какой-нибудь антитезы готов пожертвовать свободой отечества!

Робеспьер . Это дитя, сбитое с толку друзьями и собственным остроумием.

Сен-Жюст . Когда Франция в опасности, остроумие тоже есть преступление. Несчастья родины наложили на все государство печать мрачной торжественности. Я не доверяю людям, которые в такое время могут смеяться.

Робеспьер . Я люблю Демулена.

Сен-Жюст . А я люблю тебя. Но я первый осудил бы тебя, если бы ты совершил преступление.

Робеспьер (*в смущении отходит от Сен-Жюста. Затем, после короткого молчания, снова приближается к нему*) . Благодарю тебя. Ты — счастливчик, ты не знаешь колебаний. В тебе ничто не может перевесить ненависть к пороку.

Сен-Жюст . Я видел порок на более близком расстоянии, чем ты.

Робеспьер . Где же?

Сен-Жюст . В себе самом.

Робеспьер (*с удивлением*) . В себе? Но ведь вся твоя жизнь — это образец самоотверженности и сурового самоотречения!

Сен-Жюст . Ты не знаешь.

Робеспьер (*недоверчиво*) . Какой-нибудь грех юности?

Сен-Жюст (*мрачно*) . Я стоял на краю пропасти. На дне этой пропасти я увидел

преступление, и оно чуть было не поглотило меня. Тогда я дал клятву уничтожить его во всем мире, как и в себе самом.

Робеспьер . А я порой устаю от этой борьбы. Враг слишком многочислен. Сможем ли мы преобразить человечество? Сумеет ли мы претворить в жизнь нашу мечту?

Сен-Жюст . Если бы я убедился, что это невозможно, я бы в тот же день закололся кинжалом.

Элеонора (*отворяет дверь. Шепотом*) . Пришли Билло-Варенн и Вадье.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Робеспьер, Сен-Жюст, Билло-Варенн, Вадье. Входят Билло-Варенн, понурился, мрачный, изнемогающий от усталости, с блуждающим взглядом, и Вадье, насмешливый, желчный, с поджатыми губами. Робеспьер и Сен-Жюст с подчеркнуто холодным видом встают. Все приветствуют друг друга сухим и коротким кивком головы, без рукопожатий.

Билло-Варенн . Братский привет!

Вадье (*увидев Сен-Жюста*) . А, Сен-Жюст!.. Значит, дело пойдет. Теперь мы наверху.

Билло и Вадье, не дожидаясь приглашений, садятся. Сен-Жюст ходит по комнате. Робеспьер стоит, прислонившись к косяку окна. Молчание.

Билло . На гильотину! Ты слишком долго выжидал, Робеспьер, — мы в опасности. Если Дантон доживет до завтра, Свобода погибла.

Робеспьер . Есть новости?

Билло (*показывает ему бумаги*) . Посмотри. Изменник не унимается.

Робеспьер . Кто?

Вадье . Твой друг, Максимилиан, Камилл, твой дорогой Камилл.

Робеспьер . Опять что-нибудь написал?

Билло . Только что перехвачена корректура. Прочти.

Вадье (*потирая руки*) . Седьмой номер «Старого кордельера». Продолжение «Символа веры доброго пастыря».

Робеспьер . Безумец! Когда же он замолчит?

Билло (*преследуемый навязчивой идеей*) . На гильотину!

Сен-Жюст (*читает вместе с Робеспьером*) . Демулен — это распутная девка. Он не может себя не бесчестить.

Робеспьер . А Дантон?

Билло . Дантон рвет и мечет. Разглагольствует в Пале-Рояле. Поносит Вадье, меня, всех патриотов. Демулен с ним заодно. Сидят за одним столиком с Вестерманом и непотребными девками и осыпают Комитет непечатной бранью. Вокруг них гогочет толпа.

Сен-Жюст . Слышишь, Робеспьер?

Робеспьер (*презрительно*) . Это не опасно. Пока Дантон пьянствует, мы успеем все спокойно обдумать. (*Просматривает корректуру.*) Итак, этот сумасшедший сам себе подписывает приговор!

Вадье . Да уж, мой дорогой, на сей раз демагог Демулен отрезал себе все пути к отступлению.

Билло . Теперь не сносить ему головы!

Сен-Жюст (*читая*) . Он сравнивает Комитет с Нероном и Тиверием.

Билло (*читая*) . Он осмеливается утверждать, что мы преследовали Кюстина по указке Питта, — и не за то, что Кюстин изменил, а за то, что он изменил не до конца.

Вадье (*читает*) . «Национальное собрание превратилось в подчиненный Комитету

бесправный парламент, непокорных членов которого бросают в тюрьмы».

Робеспьер (*проверяет*) . Тут написано «превратится», а не «превратилось».

Вадье . Это все равно.

Билло (*читает*) . «Почему бы Комитету окончательно не упразднить Республику, если депутатов, которых нельзя подкупить, он сажает в Люксембургскую тюрьму?»

Робеспьер (*проверяя*) . «Способен посадить», а не «сажает».

Билло (*с досадой*) . Не придирайся!

Сен-Жюст (*читая*) . Он имеет наглость заявлять, что «чиновники военного министерства назначают на ответственные посты в армии братьев своих содержанок — актрис».

Вадье . У него язык без костей, и когда он его развязывает, то уж ни перед чем не останавливается: ни перед тем, чтобы дезорганизовать оборону, ни перед тем, чтобы унижить Францию в глазах заграницы.

Билло . И все это он прикрывает призывами к милосердию, красивыми фразами о человечности!..

Вадье . Сахарные слезы, кондитерское красноречие!

Сен-Жюст . Лучше все казни египетские, только не эти чувствительные люди! Ни один тиран не причинял человечеству столько горя... Изменники жирондисты, всюду во Франции разжигавшие пламя мятежа, тоже ведь именовали себя чувствительными людьми.

Робеспьер . Демулен слабоволен, ребячлив, но он не заговорщик. Это мой друг детства, я хорошо его знаю.

Билло (*подозрительно*) . Разве друзья Робеспьера пользуются льготами?

Вадье (*читает номер «Старого кордельера»; насмешливо*) . Слушай, слушай, Максимилиан, это уж прямо о тебе. Оказывается, закрывая дома разврата, обнаруживая необычайное рвение по части очищения нравов и разгоняя проституток, ты действуешь по указаниям Питта, ибо «тем самым ты подрываешь один из наиболее надежных устоев государственной власти: распушенность нравов». Слышишь, Неподкупный? Как тебе это нравится?

Сен-Жюст . Низкая, лицемерная душонка!

Билло (*в бешенстве*) . На гильотину! (*Валится ничком на стол, точно раненый бык.*)

Робеспьер . Ему дурно?

Вадье (*равнодушно*) . Голова закружилась.

Сен-Жюст отворяет окно. Билло приходит в себя.

Сен-Жюст . Ты нездоров, Билло?

Билло (*хрипло*) . Ты кто такой?.. Мерзавцы! Я больше не могу. Я десять ночей не спал.

Вадье . Ночью он в Комитете, днем в Национальном собрании.

Робеспьер . Ты слишком много работаешь. Хочешь, тебя кто-нибудь заменит на несколько дней?

Билло . Меня никем нельзя заменить. Вести переписку со всеми департаментами, держать в руках все нити Франции — это только я могу. Если я сделаю передышку, весь моток спутается. Нет, я не уйду со своего поста, пока не сдохну.

Сен-Жюст . Мы все умрем на посту.

Билло . О природа, ты создала меня не для бурь! Мою душу избородили смертоносные вихри пустыни. О мое чувствительное сердце, ты рождено для уединения, для дружбы, для умильных и тихих семейных радостей!

Вадье (*ехидно*) . Ты что-то уж слишком расчувствовался, Билло.

Билло (*с прежним ожесточением*) . Очистим воздух! Демулена — на гильотину.

Робеспьер . Я должен подать пример. Я отрекаюсь от Демулена.

Вадье (*с оттенком насмешки*) . О Брут, великодушный, доблестный, я знал, что ты без колебаний отступишься от своего друга!

Робеспьер . Судьба Демулена связана с судьбой еще одного человека.

Билло . Ты боишься назвать Дантона?

Робеспьер . Я боюсь разбить талисман Республики...

Вадье . Который дан ей на счастье.

Робеспьер . Дантон — мой враг, но если мы не принимаем во внимание моих дружеских привязанностей, то мои враждебные чувства еще меньше должны влиять на мои мнения. Прежде чем давать бой, обсудим хладнокровно, какой риск связан с уничтожением этой крепости Революции.

Билло . Крепость, которая отдается внаймы!

Вадье . Дантон — пугало Революции! Когда стране приходилось плохо, то, чтобы обратить неприятеля в бегство, таскали какое-нибудь чудище, но оно больше пугало тех, кто его носил. Так и мерзкая харя Дантона наводит страх на Свободу.

Робеспьер . Не подлежит, однако, сомнению, что его черты знакомы Европе и что она их страшится.

Вадье (*шутковским тоном*) . Разумеется, как истинный санкюлот, он охотно показывает всему свету то самое,

Что Цезарь без стыдливости являл
В дни пылкой юности пред Никомедом,
То, чем в былые дни, в пути к победам,
Героя Греции пленял Гефестион
И чем сам Адриан прославил Пантеон.

Сен-Жюст (*резко*) . Оставь ты свои неприличные шутки! Ты что же, борешься против оскорбления нравственности, а сам ее оскорбляешь?

Вадье . Цитировать Руссо ты меня не заставишь.

Робеспьер (*старается казаться беспристрастным, но в его тоне не чувствуется убежденности*) . Я полагаю, что следует принять во внимание прежние заслуги Дантона.

Сен-Жюст . Чем больше человек сделал добра, тем больше он обязан делать его и впредь. Горе тому, кто прежде защищал народное дело, а теперь от него отходит! Он еще преступнее тех, кто всегда шел против народа, ибо он познал, что есть благо, и все же от него отсекся.

Робеспьер . Казнь Эбера всколыхнула общественное мнение. Из поступивших ко мне донесений полиции явствует, что наши враги пользуются растерянностью народа, его внезапным разочарованием, дабы подорвать в нем доверие к истинным друзьям его. Теперь все внушает подозрение, вплоть до памяти Марата. Мы должны действовать осторожно — наши внутренние распри могут только усилить подозрительность.

Сен-Жюст . Так покончим же с подозрениями, казнив подозрительных!

Вадье (*нюхает табак и поглядывает на Робеспьера; про себя*) . Подлец! Боится тронуть своих любимых аристократов! Кромвель старается сохранить за собой большинство. Ну погоди, если так и дальше будет продолжаться, я заставлю тебя послать на гильотину не меньше сотни жаб из твоего Болота.

Робеспьер . Падение такой головы не может не потрясти государство.

Билло (*подозрительно и резко*) . Ты трусишь, Робеспьер?

Вадье (*исподтишка подзадоривая Билло*) . Ты спроси у него, Билло: может быть, он пользуется Дантоном как туго набитым тюфяком, чтобы прятаться от пуль?

Билло (*грубо*) . Говори прямо: ты боишься, что падение Дантона лишит тебя прикрытия? Ты цепляешься за него, как за щит. Дантон отвлекает от тебя взоры и стрелы врагов.

Робеспьер . Я презираю эту подлую клевету. Меня опасности не пугают. Жизнь я не дорожу. Но у меня есть опыт прошлого, и я вижу ясно будущее. Вы взбесились, вы сошли с ума от ненависти. Вы думаете только о себе, о Республике вы не думаете вовсе.

Сен-Жюст . Давайте спокойно обсудим, что готовят Республике заговорщики. Есть ли у Дантона способности — это нас не должно занимать, нам важно другое: служат его способности Республике или не служат? Откуда за последние три месяца исходят все нападки на Революцию? От Дантона. Кто подбил Филиппо написать письма против Комитета? Дантон. Кто нашептывает Демулену ядовитые памфлеты? Дантон. Каждый номер «Старого кордельера» показывается ему, обсуждается вместе с ним, исправляется его собственной рукой. Если вода в реке отравлена, нужно обратиться к истокам. Где прямодушие Дантона? Где его отвага? Что сделал он за последний год для Республики?

Робеспьер (*делает вид, что постепенно проникается доводами своих собеседников; в тоне его звучат фальшивые и вместе с тем искренние нотки*) . Это правда, он ни разу не выступил в защиту Горы, когда на нее нападали.

Сен-Жюст . Нет, он поддерживал Дюмурье и его приспешников — генералов. Когда якобинцы бросили обвинение Дантону, ты, Робеспьер, его защищал. Когда же было брошено обвинение тебе, сказал ли он хоть слово в твою защиту?

Робеспьер . Нет. Видя, что я остался один, что жирондисты избрали меня мишенью для самой подлой клеветы, он сказал своим друзьям: «Хочет погибнуть — пусть погибает! Мы не станем делить с ним жребий!» Но дело не во мне.

Билло . Ты сам же мне рассказывал, Робеспьер, что он из кожи вон лез, чтобы спасти жирондистов и нанести удар Анрио, арестовавшему изменников.

Робеспьер . Верно.

Сен-Жюст . Ты сам мне говорил, Робеспьер, что Дантон цинично признавался тебе, как он в пору своей кратковременной службы в министерстве юстиции мошенничал вместе со своим секретарем Фабром.

Робеспьер . Помню.

Сен-Жюст . Он водил дружбу с Лафайетом. Его подкупил Мирабо. Он переписывался с Дюмурье и Вимпфеном. Он курил фимиам герцогу Орлеанскому. Он был близок со всеми врагами Революции.

Робеспьер . Не следует преувеличивать.

Сен-Жюст . Ты сам мне об этом говорил. Я бы не знал этих фактов, если б ты мне не сообщил.

Робеспьер . Конечно... но...

Билло (*резко*) . Ты их отрицаешь?

Робеспьер . Я не могу их отрицать. Дантон был всегда на роялистских сборищах, на которых сам герцог Орлеанский варил пунш. Бывали там и Фабр и Вимпфен. Туда пытались затащить депутатов Горы, чтобы привлечь их на свою сторону или скомпрометировать. Но все это мелочи.

Билло . Нет, это факт чрезвычайной важности! Заговор налицо!

Робеспьер . Мне пришла на память еще одна подробность, впрочем незначительная. Недавно он как будто бы хвастался, что если его затронут, то он припомнит нам дофина.

Билло . Мерзавец! Он смеет так говорить! И после этого ты еще можешь его защищать!..

Робеспьер . У меня только что был Вестерман. Грозил мне Дантоном и мятежом.

Билло . И мы еще тут препираемся! А тигры до сих пор на свободе!

Робеспьер . Вы хотите с ним покончить?

Сен-Жюст . Этого хочет отечество.

Вадье (*в сторону, насмешливо*) . Притворщик! Самому не терпится, а заставляет себя упрашивать.

Робеспьер . Он был велик. По крайней мере казался великим, а иногда даже добродетельным.

Сен-Жюст . Ничто так не похоже на добродетель, как крупное преступление.

Вадье (*саркастически*) . Ты после скажешь надгробное слово, Максимилиан. Сейчас давайте закопаем зверя.

Сен-Жюст . Вадье! Говори о смерти с уважением.

Вадье . Да ведь он еще благополучно здоровствует!

Сен-Жюст . Дантон вычеркнут из списка живых.

Билло . Кто составит обвинительный акт?

Вадье . Сен-Жюст. Этот юноша справляется с такими вещами блестяще. Каждая его фраза — удар гильотины.

Сен-Жюст . Я люблю мериться силами с чудовищем.

Робеспьер (*достает бумагу и передает Сен-Жюсту*) . Здесь все записано.

Вадье (*в сторону*) . У него, наверно, столько же припасено для каждого из друзей.

Робеспьер . Я предлагаю не устраивать Дантону отдельного процесса. Много чести. Не следует привлекать к нему особое внимание Нации.

Билло . Потопим его в общем обвинительном заключении.

Вадье . А кого для приправы?

Сен-Жюст . Всех, кто пытался растлить Свободу, — деньгами, развращенностью нравов или ума.

Вадье . Будем выражаться точнее. Эта неопределенность может вызвать недоумение.

Робеспьер . Дантон любил золото. Пусть же золото его и погубит! Дело Дантона мы должны объединить с делом о банках. Пусть займет место на скамье подсудимых среди взяточников. Кстати, там он встретится со своим другом, со своим секретарем, со своим любимым Фабром д'Эглантином.

Вадье . Фабр, Шабо, богатые евреи, австрийские банкиры, все эти Фрей, Дидрихсены, — отлично, это уже на что-то похоже!

Билло . Надо бы присоединить к обвиняемым и Эро, друга эмигрантов.

Сен-Жюст . Прежде всего — Филиппо, дезорганизатора, подрывавшего дисциплину в армии.

Робеспьер . А заодно и Вестермана, эту окровавленную шпагу, всегда готовую к мятежу. Все?

Вадье . Ты забыл дражайшего Камилла.

Робеспьер . А может быть, вы бы предпочли Бурдона или Лежандра? Их устами говорит в Национальном собрании мятеж.

Вадье . Нет. Камилла.

Билло . Камилла.

Сен-Жюст . Этого требует справедливость.

Робеспьер . Ну что ж, берите.

Сен-Жюст . Прощайте. Пойду готовить доклад. Завтра в Конвенте я их разгромлю.

Вадье . Что ты, что ты, юноша? Это в тебе говорит твой легкомысленный возраст. Неужели ты хочешь вызвать Дантона на трибуну?

Сен-Жюст . Дантон уверен, что никто не осмелится напасть на него открыто. Я ему докажу, что он не прав.

Вадье . Одного мужества тут маловато, мой юный друг, для этого нужно иметь такие легкие, которые заглушили бы рев быка.

Сен-Жюст . Истина укрощает бури.

Робеспьер . Мы не должны подвергать Республику случайностям поединка.

Сен-Жюст . Что же вы предлагаете?

Робеспьер молчит.

Билло . Дантона надо схватить сегодня ночью.

Сен-Жюст (*порывисто*) . Этому не бывать!

Вадье . Кто стремится к цели, тот не отвергает необходимых средств.

Сен-Жюст . На безоружного врага я не нападаю. Поставьте меня лицом к лицу с Дантоном. Такого рода битвы облагораживают Республику, меж тем как ваше предложение

ее позорит, и я решительно отклоняю его.

Билло . С врагами народа миндальничать нечего!

Вадье . В политике бессмысленное удальство — это глупость, граничащая с предательством.

Сен-Жюст . Я против! *(В бешенстве швыряет на пол свою шляпу.)*

Билло *(сурово)* . Значит, ты любишь не самую Республику, а только борьбу за нее?

Сен-Жюст . Для того чтобы подобные действия были оправданы, они должны быть сопряжены с опасностью. Революция — начинание героическое, дорога ее деятелей лежит между казнью и бессмертием. Преступен тот, кто не готов в любую минуту пожертвовать не только жизнью других, но и своею собственной жизнью.

Вадье . Не беспокойся, у тебя и так риск немалый. Дантон, даже сидя в тюрьме, способен поднять народ. Можешь не сомневаться: если б он оказался победителем, тебе бы уж гильотины не миновать.

Сен-Жюст . Я презираю тот прах, из которого я состою. Мое сердце — единственное принадлежащее мне благо, и я пройду по окровавленному миру, не осквернив чистоты моего сердца.

Билло *(с непреклонною и презрительною суровостью)* . Уважение к себе — это тот же эгоизм. Будет осквернено сердце Сен-Жюста или нет, нас это не касается, нам нужно спасти Республику.

Сен-Жюст *(вопросительно глядя на Робеспьера)* . Робеспьер!

Робеспьер . Успокойся, друг мой. Революционные бури не подчиняются обычным законам. К той силе, которая преобразует мир и создает новую мораль, нельзя подходить с точки зрения прописной морали. Разумеется, надо быть справедливым, но мерилом справедливости в данном случае является не совесть отдельной личности, а совесть общественная. Народ — это наш свет, спасение народа — наш закон. Нам надо было только спросить себя: хочет ли народ гибели Дантона? Если этот вопрос решен, значит, все решено; остается только дать бой и победить. Справедливость в том, чтобы восторжествовал правый. Ждать мы не можем. Нужно нанести Дантону удар немедленно. Из великодушных побуждений оставлять в его руках оружие — это значит подставлять свою грудь под кинжал убийц. Тогда у кормила Республики немедленно станет военный и финансовый деспотизм. Десятилетия гражданских войн опустошат нашу отчизну, а наши имена, которые должны быть дороги человечеству, народ произнесет с проклятием.

Билло . Победить любой ценой! Пусть грозное зарево нашей диктатуры осветит весь мир!

Вадье . Дело не в том, на законном основании будет осужден такой-то или не на законном, а в том, будет Европа якобинской или не будет.

Сен-Жюст *(скрестив на груди руки, как Робеспьер на картине Давида «Клятва в Зале для игры в мяч»)* . Так возьми же мою честь, о Республика, если она нужна тебе, поглоти меня, возьми меня всего, без остатка!

Билло *(весь дрожа, голосом, прерывающимся от волнения)* . Быть может, в это самое время Республика уже задушена, наши идеи растоптаны, светоч разума погас на несколько сот лет... Скорей!

Робеспьер . Арестуйте Дантона. *(Подписывает бумагу.)*

Билло подписывает с лихорадочной быстротой.

Сен-Жюст . Ради тебя, Свобода! *(Подписывает.)*

Билло . А Конвент не подведет?

Робеспьер *(презрительно)* . Конвент всегда готов пожертвовать своими членами ради общественного блага.

Вадье *(подписывает)* . Это уж мое дело.

Робеспьер *(со вздохом)* . Все тяжелее ложится на наши плечи бремя Революции.

Вадье (*в сторону*) . Тигр разводит церемонии, а сам облизывается.

Робеспьер . Горькая необходимость. Для того чтобы спасти Республику, мы ее калечим.

Сен-Жюст (*мрачный и возбужденный*) . Философ Иисус сказал своим ученикам: «Если твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее; если твоя нога соблазняет тебя, отруби ее; если твой глаз соблазняет тебя, вырви его, ибо лучше для тебя, чтобы ты вошел в царствие божие одноглазым калекой, чем иметь два глаза и быть вверженным в геенну». А я говорю: «Если друг твой развращен и развращает Республику, отсеки его от Республики; если брат твой развращен и развращает Республику, отсеки его от Республики. И если из зияющей раны потечет кровь Республики, твоя собственная кровь, то пусть течет: да будет Республика чистой или же да умрет! Республика — это добродетель. Где скверна, там нет Республики».

Вадье (*в сторону*) . Они — помешанные. Буйно-помешанные. Их надо немедленно связать — и в сумасшедший дом. Только сначала — то, что не терпит отлагательств. (*Направляется к выходу.*)

Билло . Подожди, я сейчас подпишу.

Вадье . Ты уже подписал.

Билло . Разве?.. Не помню. Что я сделал? Хорошо ли я сделал?.. *Tristis est anima mea!*..

⁷ Мне бы растянуться сейчас на лугу, на зеленой траве! Дышать благоуханным воздухом лесов!.. Ручей, а по берегам его — ивы! Покоя!.. Покоя!..

Робеспьер . Созидатели Республики находят покой только в могиле.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Революционный трибунал.

Фукье-Тенвиль, общественный обвинитель. Эрман, председатель. Присяжные, жандармы, публика. На скамьях подсудимых Дантон, Демулен, Эро, Филиппо, Вестерман, а также Шабо и Фреи (лица без речей); тут же сидит в кресле Фабр д'Эглантин. В публике, в первом ряду, художник Давид со своими друзьями. Окна в зале открыты. С улицы доносится гул толпы. Время от времени в зарешеченном дверном оконце, сзади председателя, появляется голова Вадье, наблюдающего за процессом. У двери стоит генерал Анрио. Эрман и Фукье-Тенвиль по временам тревожно оглядываются на него.

Допрашивают Шабо и Фреев. Дантон взволнован, негодует. У Демулена подавленный вид. На лице у Эро спокойная улыбка. Филиппо, стиснув зубы, глядя прямо перед собой, готовится дать отпор. Фабр, больной, откинулся на спинку кресла. Публика теснится, смотрит с жадным любопытством. Она, как зрители на представлении мелодрамы, отзывается на все перипетии процесса, который и развлекает ее и в то же время волнует.

Председатель (*обращаясь к Фреям*) . Вы агенты Питта.

В народе ропот.

Народ . Изменники! Продажные твари!

Председатель . Вы хотели разложить Конвент. Чтобы вам легче было спекулировать и воровать, вы составили проект подкупа представителей народа. Вы определили цену совести

⁷ Печальна душа моя!.. (*лат.*)

каждого из них.

Дантон (*громогласно*) . Председатель, дай мне слово!

Народ (*волнуется и, захваченный происходящим, теснится, чтобы рассмотреть Дантона*) . Дантон... Дантон... Это сейчас Дантон говорил!..

Председатель . Ждите своей очереди, Дантон.

Дантон . Какое я имею отношение ко всей этой мрази? Что у меня общего с этим жульем?

Председатель . Вам скажут.

Дантон . Врожденное благородство не позволяет мне добить этих мерзавцев. Вы это знаете и злоупотребляете моим молчанием для того, чтобы народ подумал, будто я чем-то связан с этими нечистыми на руку банкирами, воришками, взяточниками.

Народ (*со смехом*) . Слыхали? Вот как рассвирепел...

Эро . Не волнуйся, Дантон.

Председатель . Уважайте правосудие. Вы дадите показание в свое время.

Фукье-Тенвиль . Сиди спокойно, Дантон. Тебе наравне с твоими соучастниками придется держать ответ по обвинению в порче нравов.

Дантон . Безнравственный Дантон — не чета всей этой продажной сволочи. Предоставь мне по крайней мере первое место. Дантон никогда ни в чем не будет посредственностью: ни в пороке, ни в добродетели.

Народ . Молодец!.. Он еще себя покажет...

Филиппо . Молчи и будь осторожнее.

Председатель (*Фреям*) . Вы евреи по национальности, выходцы из Моравии, ваша настоящая фамилия — Тропуска. Потом вы купили в Австрии дворянские грамоты и стали именоваться Шенфельдами. Затем вы переехали во Францию, и в настоящее время ваша фамилия Фрей. Одна из ваших сестер крестилась (*в публичке смех*) и поступила на содержание к немецкому барону. Другая вышла замуж за Шабо, бывшего капуцина (*смех усиливается*) , нынешнего депутата Конвента. Вы объединились с авантюристами такого же темного происхождения, как и вы, — Дидрихсенном, уроженцем Гольштинии, служащим венского банка, Гусманом, будто бы испанцем, который одно время выдавал себя за немецкого барона, и бывшим аббатом д'Эспаньяком, поставщиком армии. Сообщничество некоторых подкупленных вами депутатов способствовало успеху ваших махинаций. Шабо являлся посредником между вами и своими коллегами. Он сам себя оценил в сто пятьдесят тысяч ливров. (*В публичке раздаются выкрики.*) Он взялся передать от вас сто тысяч Фабру д'Эглантину.

Девушка (*показывая на Фабра*) . Вон он, сидит в кресле!

Председатель . За эту цену Фабр подделал декрет Конвента о ликвидации Ост-Индской компании. Передаю оригинал документа присяжным.

Народ . Дантон зажимает себе нос.

— Ему, видите ли, противно.

Давид . Он корчится от злобы и страха.

Народ . Ну и пасть же у него!

— Браво, Дантон!

Три женщины . Ты думаешь, его засудят?

— Когда еще до него доберутся!

— Мне некогда ждать!

Вадье (*приотворив дверное оконце, делает знак генералу Анрио, который стоит у двери*) . Все идет гладко, Анрио?

Анрио (*тихо*) . Все как надо.

Вадье (*указывая на Фукье и членов трибунала*) . Не оплошают?

Анрио (*тихо*) . Не бойся. Я слежу.

Вадье . Ладно. Ты не смущайся: если обвинитель начнет сдавать, арестуй его. (*Захлопывает оконце.*)

Эро (*обводя глазами народ*) . Как смотрит на нас народ!

Дантон (*в глубине души ему стыдно, но он старается казаться веселым*) . Народ не привык видеть мою рожу на позорной скамье, — это необычное зрелище. Ярмарочные фокусники подменили Дантона. Ха-ха! Вот потеха!

Давид (*достает из кармана записную книжку*) . Дай-ка я зарисую его морду. (*Рисует Дантона.*)

Дантон . Погляди на Давида, вон он: высунул язык, от злости истекает слюной, как бешеная собака.

Давид . Хочу, чтобы наши потомки катались от хохота при виде этой обезьяньей рожи.

Дантон . А, черт! Да подтянись же ты, Демулен! Будет тебе в самом деле, сядь прямее! На нас смотрит народ.

Камилл . Ах, Дантон, я уж больше не увижу Люсиль!

Дантон . Не беспокойся, нынче же ночью будешь с ней спать!

Камилл . Спаси меня, Дантон, вызволи меня отсюда. Я не знаю, что мне делать, я не сумею защититься.

Дантон . Ты хуже всякой девчонки. Держись твердо! Подумай, ведь мы творим историю.

Камилл . Ах, какое мне дело до истории!

Молодой писец (*уцепив девушку, поет на мотив популярной в то время песенки*) .

Станцуем, светик мой, с тобою...

Девушка (*дает ему затрецину*) . Ты у меня смотри, нахал!

Писец (*продолжает напевать*) .

Мне молвила, давая руку...

Дантон . Если хочешь снова быть с Люсилью, то не сиди с видом преступника, подавленного обрушившейся на него законной карой. Что ты там увидал?

Камилл . Смотри, Дантон, вон там...

Дантон . Что такое? Что ты мне показываешь?

Камилл . Около окна, этот юноша...

Дантон . Вон тот нахальный малый, по виду судейский писец, у которого прядь волос падает на глаза, тот, что щиплет девчонку?

Камилл . Так, ничего, что-то вроде галлюцинации. Мне представилось... мне представилось, что это я...

Дантон . Ты?

Камилл . Я вдруг увидел себя на его месте, будто это я слежу за процессом жирондистов, моих жертв. Ах, Дантон!

Во время этой сцены присяжные изучают документы, якобы подделанные Фабром.

Председатель . Фабр, вы продолжаете отрицать свою вину?

Народ разговаривает только во время пауз, а затем тотчас же умолкает и шикает на тех, кто продолжает болтать.

Фабр д'Эглантин (*с усталым видом, насмешливо и очень спокойно*) . Вторично давать показания я считаю бессмысленным — вы все равно не станете меня слушать, ваш приговор предрешен. Я только что доказал, что в исправном тексте составленного мною декрета кто-то по злему умыслу сделал вставки и вымарки, искажающие его смысл. Это станет ясно всякому, кто взглянет на дело беспристрастно. Но здесь это невозможно — я знаю, что

осужден заранее. Я имел несчастье не понравиться Робеспьеру, и вы спешите уврачевать его задетое самолюбие. Моя жизнь кончена. Ну что ж! Я слишком утомлен и измучен жизнью, чтобы пытаться спасти ее, — это мне не по силам.

Фукье . Ты оскорбляешь правосудие и клеветашь на Робеспьера. В продажности тебя обвиняет не Робеспьер, а Камбон. В причастности к заговору тебя обвиняет не Робеспьер, а Билло-Варенн. Твоя страсть к интригам общеизвестна. Это она заставляет тебя вступать в гнусные заговоры и сочинять гнусные комедии.

Фабр . Постой! *Ne sutor ultra crepidam...*⁸ Господа завсегдатаи партера! Беру вас в свидетели: разве мои комедии не доставляли вам удовольствия? (*В публике смех.*) Фукье может добиться того, чтобы свалилась моя голова, но он не может провалить моего «Филинта».

В публике смех.

Кто-то в задних рядах . Что? Что он сказал?

Фукье . Подстрекаемый нездоровым любопытством, ты смотрел на Национальное собрание как на подобие театра, где можно разглядеть тайные пружины человеческой души, для того чтобы потом привести их в действие. Ты пользовался всеми пружинами: честолюбием одних, леностью других, мнительностью, завистью, — ты не брезговал решительно ничем. Благодаря этой своей беззастенчивой ловкости ты создал целую систему контрреволюции — потому ли, что твоя заносчивость и твой неуживчивый нрав находят себе удовлетворение в том, чтобы ниспровергать установленный порядок, из какого-то злостного пренебрежения к человеческому разуму, или, вернее, потому, что твой явный аристократизм и твоя алчность уже давно разжигались Питтом, который подкупал тебя для того, чтобы ты вредил Республике.

В публике ропот.

Давид . Что? Слыхали?

Народ . Да... Да...

Фукье . В девяносто втором году ты уже сносишься с врагами. Дантон посылает тебя к Дюмурье для преступных переговоров; благодаря этим переговорам уцелели остатки прусских войск.

В публике ропот.

Теперь я должен перейти к другим обвиняемым.

Народ . Ага! Ага!

Народ охвачен волнением и любопытством.

Фукье . Я временно перехожу к другим только потому, что им тоже не терпится, чтобы я сорвал с них маски. Но скоро я обращусь к тебе снова и покажу тот узел, где сходятся все нити этой чудовищной интриги.

Обвиняемые в волнении. Народ настораживается. Дантон говорит своим товарищам несколько ободряющих слов.

Фабр (*к Фукье, вызываяюще*) . План скверно составлен; интрига запутана; действующих лиц слишком много; неизвестно, откуда они приходят, и сразу видно, куда они уйдут. Не

⁸ Сапожник, суди не выше сапога (*лат.*).

распинайся так, Фукье, твоя комедия из рук вон плоха. Прикажи лучше отрубить мне голову немедленно — у меня зубы болят.

Смех.

Председатель (*Эро де Сешель*) . Обвиняемый, ваше имя и звание?

Народ . Кто это? Кто этот аристократишка?

— Это Эро.

Эро . Покойный Эро Сешель. Бывший генеральный прокурор в Шатле: я заседал в этой зале. Бывший председатель Конвента: я огласил от его имени конституцию Республики. Бывший член Комитета общественного спасения. Бывший друг Сен-Жюста и Кутона, которые теперь хотят убить меня.

Девушка . Ах, какой красивый!

Председатель . Вы аристократ. Ваша карьера началась при дворе, после того как госпожа Полиньяк представила вас жене Капета. Вы никогда не прерывали сношений с эмигрантами; вы были другом незаконного сына принца Кауница, австрийца Проли, гильотинированного месяц тому назад. Вы разглашали тайны Комитета общественного спасения и передавали важные бумаги иностранным государствам. Вопреки закону вы предоставили убежище бывшему военному комиссару Катюсу, против которого было возбуждено судебное преследование как против эмигранта и заговорщика. Вы даже осмелились обратиться в секцию Лепелетье, при которой он содержался, с требованием выдать его вам на поруки и с предложением взять на себя его защиту.

Голос (*из публики*) . Сейчас видно аристократишку!

Вязальщица . Старорежимный франт!

Эро . За исключением одного пункта: разглашения государственных тайн, который я отрицаю категорически и который вы, конечно, никак не можете обосновать, все остальное верно. Я это признаю открыто.

Председатель . Что вы можете сказать в свое оправдание?

Эро . Оправдываться я не намерен. У меня были друзья. Не во власти государства воспретить мне любить их и выручать в беде.

Председатель . Вы были председателем Конвента. Вы должны были подавать всей Нации пример повиновения законам.

Эро . Я подаю ей пример, как нужно умирать за исполнение своего долга.

Председатель . Это все, что вы хотели сказать?

Эро . Все.

Фукье (*обращаясь к председателю*) . Перейдем к следующему, Эрман!

Имя Демулена облетает публику.

Народ . Это Демулен... Демулен... Камилл, Камилл...

Затем сразу воцаряется тишина.

Председатель (*Демулену*) . Ваше имя, фамилия, звание?

Камилл (*в крайнем замешательстве*) . Люси-Камилл-Симплиций Демулен, депутат Конвента.

Председатель . Ваш возраст?

Камилл . Я нахожусь в возрасте санкюлота Иисуса, когда его распяли: мне тридцать три года.

Ропот сочувствия и вместе с тем неудовольствия.

Вязальщица (*грозясь кулаком*) . Поповское отродье!

Председатель . Вы обвиняетесь в оскорблении Республики. Вы изображали в ложном свете действия Республики, сравнивали наше славное время с подлыми временами римских цезарей. Вы возбуждали надежды в аристократах, сеяли сомнения в необходимости репрессий, тормозили дело национальной обороны. Прикидываясь человеколюбцем, что так не вяжется с вашим прошлым, вы требовали отворить двери тюрем подозрительным личностям с целью утопить Республику в пучине контрреволюционной мести. Что вы можете на это возразить?

Камилл (*крайне растерянный, делает над собой усилие, что-то лепечет, мучительно трет себе лоб рукой. Друзья с тревогой на него смотрят*) . Я прошу отнестись ко мне снисходительно. Я не знаю, что со мной. Я не могу говорить.

Две девушки . Что с ним такое? Что с ним такое?

Председатель . Вы признаете факты, которые вам ставятся в вину?

Камилл . Нет, нет.

Председатель . В таком случае защищайтесь.

Камилл . Не могу. Простите. На меня вдруг напала слабость.

Мужчина (*в публице*) . Закатил глаза.

Вязальщица . Ах, какие нежности!

Девушка . Бедненький, как он побледнел!

Друзья суетятся вокруг Камилла. Он садится, с трудом переводит дыхание и вытирает лоб платком. Председатель пожимает плечами.

Фукье . Да или нет? Сознаешься?

Филиппо . Перечислите пункты обвинения.

Дантон . Да, прочти, посмей огласить их в присутствии народа — пусть он сам решит, кто его друг!

Председатель . Я о них достаточно говорил. Не следует лишний раз произносить во всеуслышание столь опасные слова.

Дантон . Опасные для кого? Для разбойников?

Народ . Ага! Ага!

Публика, охваченная волнением и любопытством, выражает удовлетворение.

Фукье . Они сговорились разыграть здесь комедию. Не будем задерживать на ней внимание.

Камилл (*в отчаянии*) . Мне стыдно... Я у всех вас прошу прощения... Но я не спал несколько дней, ложь, которую я здесь о себе услышал, потрясла меня, и я никак не могу с собой справиться, мне трудно говорить. Позвольте, я немного передохну, мне нехорошо.

Девушка . Да развяжите ему галстук!

Вязальщица . Какой же это мужчина? Баба это, а не мужчина!

Фукье . У нас мало времени.

Дантон . В котором же часу ты подрядился доставить на гильотину наши головы? А подождать никак не можешь, палач?

Филиппо . Нет, ты подождешь, пока Демулен придет в себя. Вам пока еще никто не давал права резать людей, не выслушав их.

Народ . Правильно! Правильно!

Фабр . Ты знаешь, что Демулен — натура чувствительная и впечатлительная. Ты хочешь воспользоваться его слабостью, чтобы прикончить его. Но пока мы живы, тебе это не удастся.

Эро (*насмешливо*) . Это поединок императора Коммода, который, вооружившись тяжелым мечом, принуждал своего противника драться копьем с пробковым наконечником.

Председатель . Молчать!

Все четверо . Сам замолчи, палач! Народ, вступишь за наше право, священное право

защиты!

Народ (*в волнении*) . Верно!

Дантон (*похлопывая Демулена по рукам*) . Ну-ну, дитя мое, приободрись!

Камилл (*все еще очень слабый, овладевает собой, пожимает руку Дантону, улыбается ему и встает*) . Спасибо, друзья, моя непонятная слабость проходит, ваше сочувствие меня оживило.

Народ (*теснится, чтобы рассмотреть его*) . Слышали? Слышали?

Камилл . Вот чего у вас никогда не будет, изверги: любви таких друзей!.. Вы обвиняете меня в том, что я свободно выражал свои мысли? Я горжусь этим. Верный Республике, которую я же и создал, я всегда останусь свободным, чего бы мне это ни стоило. Вы утверждаете, что я оскорблял Свободу? Я говорил, что Свобода — это счастье, это разум, это равенство, это справедливость. Вот как я ее поносил! Народ! Суди после этого сам, каких похвал они от меня требуют.

Народ . Bravo!

Председатель . Не обращайтесь к народу.

Камилл . А к кому же мне еще обращаться? К аристократам?

Писец . Ишь ты! Ловко!

Камилл . Я взывал к милосердию Комитета. Я хотел, чтобы народ, наконец, воспользовался Свободой, которую он завоевал, как видно, для того, чтобы горсточка мерзавцев могла утолять свою злобу. Я хотел, чтобы люди прекратили распри и чтобы любовь соединила их в одну великую братскую семью. Должно быть, это желание есть преступление. Я же считаю преступлением ту безумную политику, которая оскорбляет Nation, которая позорит народ, заставляя его на глазах у всего мира обагрять руки в невинной крови.

Движение в зале. Народ с напряженным вниманием следит за речью Демулена.

Председатель . Здесь не вы обвиняете, здесь обвиняют вас.

Камилл . Если хотите, я сам себя обвиняю, обвиняю в том, что не всегда думал так, как теперь. Я слишком долго верил в силу ненависти, боевой пыл затуманил мой разум, я сам причинил слишком много зла; я разжигал месть; мои писания не однажды острили топор. Мое слово приводило сюда невинных — вот мое преступление, мое настоящее преступление, в котором вы являетесь моими соучастниками и которое мне надлежит сегодня искупить!

Председатель . О ком вы говорите?

Фукье-Тенвиль . Чью смерть ты оплакиваешь?

Филиппо . Молчи, Демулен!

Фабр . Это ловушка. Берегись!

Дантон . А, чтоб тебя! Прикуси язык!

Камилл . Я говорю о жирондистах.

Давид . Ага! Сознался! Сознался!

В народе ропот.

Председатель . Подсудимый сам признается, что причастен к заговору бриссотистов.

Камилл (*пожимая плечами*) . Мой же «Разоблаченный Бриссо» вынес им смертный приговор.

Фукье-Тенвиль . А сейчас ты об этом жалеешь?

Камилл (*не отвечая ему*) . Друзья! Я скажу вам, как Брут Цицерону: «Мы испытываем слишком сильный страх перед смертью, изгнанием и нищетой». *Nimium timemus mortem et exilium et paupertatem*. Заслуживает ли наша жизнь того, чтобы мы всячески старались ее продлить хотя бы ценою чести? Среди нас нет ни одного, кто бы уже не взшел на вершину

горы жизни. Дальше начинается спуск, где на каждом шагу разверзаются бездны, которых не миновать даже самому обыкновенному человеку. Какие бы виды, какие бы красивые места ни открывал этот спуск нашему взору, они не выдержат сравнения с теми, которыми любовался Соломон, что не помешало ему, окруженному семьями наложниц, задышавшемуся от роскоши и счастья, произнести такие слова: «Я убедился, что мертвые счастливее живых, а всех счастливее тот, кто не родился на свет»⁹. *(Садится.)*

Дантон . Глупец! Ты всем нам рубишь головы. *(Обнимает его.)*

Девушка . А все-таки он премиленький!

Слово получает Дантон. Он встает и направляется к судьям. В народе сильное волнение. Гул голосов: «Вот он!.. Вот он!..»

Председатель *(Дантону)* . Подсудимый! Ваше имя, фамилия, возраст, звание и местожительство?

Дантон *(громогласно)* . Местожительство? В скором времени — небытие. Мое имя? В Пантеоне.

Народ зашевелился, загудел — по-видимому, одобрительно, затем, после слов председателя, воцаряется полнейшая тишина.

Мужчина *(в восторге)* . Вот это да! Ишь ты!..

Председатель . Вы знаете законы: отвечайте точно.

Дантон .. Я — Жорж-Жак Дантон, тридцати четырех лет, уроженец Арси на реке Об, адвокат, депутат Конвента, проживаю в Париже, на улице Кордельеров.

Председатель . Дантон! Национальный Конвент обвиняет вас в том, что вы состояли в заговоре с Мирабо и Дюмурье, знали их планы, грозившие гибелью Свободе, и тайно их поддерживали.

Дантон раздражается громовым хохотом. В народе это вызывает дружный смех. Волна безудержной веселости прокатывается по залу. Озадаченные судьи, народ, даже подсудимые вытягивают шеи, чтобы лучше разглядеть Дантона; смех его до того заразителен, что и они не выдерживают. Вся зала дрожит от взрыва гомерического хохота.

Дантон ударяет кулаком по балюстраде.

Дантон *(со смехом)* . Свобода в заговоре против Свободы! Дантон в заговоре против Дантона! Мерзавцы!.. Посмотрите мне в лицо. Вот она, Свобода! *(Обхватывает руками голову.)* Она в этом лике, представляющем собой ее безыскусственный слепок; она в этих глазах, в которых сверкает ее вулканическое пламя; она в этом рыкающем голосе, от которого дворцы тиранов бывают потрясены до самого основания. Возьмите мою голову, прибейте ее к щиту Республики. При одном взгляде на нее, как при взгляде на голову Медузы, все враги Свободы умрут от страха.

Аплодисменты.

Председатель . Я предоставил вам слово, чтобы вы защищали себя, а не восхваляли.

Дантон . Такой человек, как я, не защищается: мои действия говорят сами за себя. Мне нечего защищаться, не в чем оправдываться. В моей жизни нет ничего загадочного. Я не окружаю себя тайнами, чтобы путаться со старухой, как Робеспьер.

⁹ Этот монолог представляет собой цитату из «Старого кордельера». — Р. Р.

Смех в зале.

Женщина (*в ярости*) . Это кощунство!

Дантон . Моя дверь всегда настежь, над моей кроватью нет полога. Все во Франции знают, когда я пью, когда я с женщинами. Я — плоть от плоти народа, У меня такие же добродетели и пороки, как у народа, я ничего от него не таю. У меня все наружу.

Давид . Сарданапал! Глядите, как его выворачивает наизнанку!

Председатель . Дантон! Ваши непристойные речи оскорбительны для суда. Грубость ваших выражений выдает низость вашей души. Сдержанность — вот первый признак невинности, дерзость — первый признак преступности.

Дантон . Если дерзость — преступление, то я бросаюсь в объятия преступления, я целую его в засос, а тебе, председатель, оставляю добродетель — фараоновы тощие коровы не в моем вкусе. Я люблю дерзость и горжусь этим, дерзость с ее грубыми объятиями, дерзость, из лона которой выходят герои. Революция — дочь дерзости. Это она разрушила Бастилию, это она, говоря моими устами, бросила парижский народ на штурм королевской власти, это она моими руками схватила за жирные уши отрубленную голову Коротышки-Людовика и швырнула в лицо тиранам и их богу.

Народ в волнении; слышны одобрительные возгласы: «Браво!»

Председатель . Все эти ваши грубости вам не помогут. Я напоминаю о прямых обвинениях, которые вам предъявлены, и предлагаю отвечать на них точно, не выходя за пределы фактов.

Дантон . Разве от такого революционера, как я, можно ожидать спокойного ответа? Душа моя — словно расплавленная медь. В моей груди отливается из нее статуя Свободы. И меня хотят обуздать! Хотят, чтобы я отвечал на вопросы, как на уроке катехизиса! Я прорву сети, которыми вы хотите меня опутать, вам не напялить на меня эту узкую рубашку, — она затрещит по всем швам. Вы говорите: меня обвиняют! Где они, эти обвинители? Пусть покажутся, и я их опозорю, как они того заслуживают!

Большинство выражает одобрение. Давид и те, что сидят рядом с ним, негодуют.

Председатель . Еще раз предупреждаю, Дантон: вы проявляете неуважение к представителям Нации, к суду и к державному народу, который имеет право потребовать, чтобы вы отдали ему отчет в своих действиях. Марату также были предъявлены обвинения. Но он не злобствовал на своих обвинителей. Он не противопоставлял фактам неистовство гладиатора и актера, он постарался оправдаться, и это ему удалось. Я не могу указать вам лучшего образца, чем этот великий гражданин.

Женщина (*проникновенно*) . Мученик!

Дантон . Ну что ж, я снизойду до самооправдания, я буду следовать плану, который принял Сен-Жюст... Когда я пробегаю весь этот перечень мерзостей, против него восстает все мое существо! Я продался Мирабо, герцогу Орлеанскому, Дюмурье?... Я всегда против них боролся! Я расстроил замыслы Мирабо, когда нашел, что они опасны для Свободы. Я защищал от его нападков Марата. Я виделся с Дюмурье единственный раз, когда потребовал от него отчета в растраченных им миллионах. Я давно разгадал этого проходимца и, чтобы не дать ему осуществить его намерения, льстил его самолюбию. Можно ли было его раздражать, когда спасение Республики зависело от него? Да, я посылал к нему Фабра, да, я обещал, что он будет генералиссимусом, но одновременно я поручил Билло за ним следить. Кто станет упрекать меня в том, что я лгал изменнику? Ради отчизны я шел и на другие преступления! Ханжи государства не спасают. Все преступления, все, какие только есть, я пронес бы на своих плечах не сгибаясь, если б это было нужно, чтобы спасти вас, вас всех, судей, народ, даже вас, низкие клеветники, которые смеют обвинять меня...

Движение в зале.

Я — в заговоре с королями! В самом деле, давайте вспомним, как я способствовал восстановлению монархии десятого августа, торжеству федералистов тридцать первого мая, победе пруссаков при Вальми!..

Голос (*из публики*) . Помним, помним!

Дантон . Мои обвинители! Пусть мне их покажут! Я требую, чтобы мне дали поговорить с подлецами, которые губят Республику. Я открою важные вещи. Я требую, чтобы меня выслушали.

Народ . Конечно! Конечно!

Давид . Слыхали мы эти сказки! Гильотина по тебе плачет!

Председатель . Эти недостойные выходки только вредят вам. Ваши обвинители пользуются всеобщим уважением. Сначала оправдайтесь. Обвиняемый только тогда заслуживает доверия, когда он смыл с себя подозрения, иначе его разоблачения не имеют цены. Сейчас идет речь не только о том, как вы служили Республике, — вам предъявлены обвинения как личности вообще, вас обвиняют в скандальном образе жизни, в распущенности, мотовстве, хищениях, лихоимстве.

Дантон . Не выплескивай все сразу! Приверни кран в бочонке своего красноречия!

Смех в зале.

Цеди по капельке, чтобы не было утечки. Так в чем же меня обвиняют? В том, что я люблю жизнь, что я наслаждаюсь ею?.. Это верно, жизнь я люблю. Всем аррасским и женевским педантам вместе взятым не удастся задуть ту радость, которая бурлит в земле Шампани, от которой набухают почки на виноградных лозах и кипят человеческие страсти. Неужели я должен стыдиться своей жизненной силы? Природа наделила меня атлетическим телосложением и громадными потребностями. К счастью, я не принадлежу к вырождающемуся привилегированному сословию, вот почему, несмотря на все невзгоды, которые я претерпел на своем изнурительном поприще, мне удалось сохранить всю свою врожденную мощь. Чем же вы недовольны? Эта самая мощь вас же и спасла. Какое вам дело до того, что я провожу ночи в Пале-Рояле? Я не отнимаю этим у Свободы ни единой ласки. Меня хватит на всех. Вы изгоняете наслаждение? А разве Франция дала обет целомудрия? Разве нас отдали на выучку какому-нибудь хмурому педанту, или же мы обязаны лишиться хвоста только на том основании, что у старого лиса хвост отрублен?

В зале громкий продолжительный хохот.

Председатель . Вы обвиняетесь в присвоении части денежных сумм, которые вам доверило государство. Вы брали из секретного фонда деньги на свои удовольствия. Вы занимались вымогательством в Бельгии и вывезли из Брюсселя три воза всякого добра.

Дантон . Я уже опроверг эти нелепые выдумки. Во время Революции, когда я был у власти, мне было дано на хранение пятьдесят миллионов — я это признаю; я предлагал представить подробный отчет в их израсходовании. Камбон передал мне четыреста тысяч ливров на секретные расходы. Двести тысяч из них я выдал по предъявлении документов. Я не ограничивал в расходах Фабра и Билло. Эти фонды служили мне рычагами, с помощью которых я поднимал восстания в провинции. Что же касается смехотворной истории с салфетками эрцгерцогини, которые я будто бы вывез из Бельгии и отдал переметить, то что же, я, выходит, карманный вор? В Бетюне подвергли осмотру мои вещи, составили протокол, но ничего не нашли, кроме моих пожитков и бумазейного набрюшника.

Смех в зале.

Может быть, этот набрюшник оскорбляет нравственность Робеспьера?

Смех в зале.

Это, что ли, мне ставят в вину?

Председатель . Что вы повинны в хищениях, это доказывает широкий образ жизни, который вы ведете уже два года, — ваши собственные средства вам бы этого не позволили, значит, вы их пополняете за счет государства.

Дантон . На свое адвокатское жалование я купил в Арсийском округе небольшое имение. Я обеспечил скромною рентою свою мать, отчима и ту добрую гражданку, которая меня выкормила. Эти суммы не превышают моего дореволюционного заработка. Что же касается той жизни, какую я вел в Париже или в Арси, то весьма возможно, что я не стеснял себя грошовой экономией. Когда друзья приходят ко мне в гости, я не угощаю их супом из трав приготовления мамыши Дюпле.

Смех в зале.

Я не стану выгадывать ни на себе, ни на других. Как вам не стыдно высчитывать, сколько Дантон ест, сколько Дантон пьет! Еще немного — и отвратительное ханжество заразит всю Нацию. Законы природы вгоняют нас в краску, энергия внушает нам страх, мы закрываем лицо руками при виде вольного движения. Отрицательные добродетели заменили нам все остальные. Если только у человека большой желудок, а чувства молчат, если только он довольствуется кусочком сыра и спит на узкой кровати, вы уже называете его Неподкупным, и это прозвание избавляет его от необходимости быть храбрым и умным. Я презираю эти скопческие добродетели. Быть добродетельным — это значит быть большим человеком и для себя и для отчизны. Если на вашу долю выпало счастье иметь в своей среде великого человека, то не попрекайте его куском хлеба. Потребности, страсти, жертвы — все у него не так, как у других. Ахилл съедал за обедом полбыка. Если Дантону требуется много топлива, чтобы накалить его горн, бросайте поленья без счета: пламя этого костра охраняет вас от диких зверей, подстерегающих Республику.

Одобрительный говор в зале.

Давид . Горлодер! Ну и орет! И как он не перервет себе глотку!

Председатель . Значит, вы признаете, что совершали растраты, в которых вас обвиняют?

Дантон . Лжешь, я только что это опроверг.

Народ . Верно! Верно!

Дантон . Я жил широко, честно, я был бережлив, но я не был скрягой в расходовании доверенных мне сумм. Дантон получал у меня только то, что ему полагалось. Вызовите свидетелей, — я потребовал этого с самого начала, — и все подозрения будут рассеяны. Такие обвинения и нарекания нельзя оставлять висеть в воздухе. Только подробный их разбор, по пунктам, может положить им конец. Так где же свидетели? Почему их до сих пор нет?

Несколько голосов . Свидетелей!

Давид (*одному из соседей*) . А ну замолчи! Изменников защищать? Смотри! Как бы и твоя голова не слетела!

Председатель . У вас голос устал, Дантон, отдохните.

Дантон . Ничего, я могу продолжать.

Председатель . После перерыва вы бы защищались спокойнее.

Дантон (*в ярости*) . Я спокоен! Свидетелей! Три дня я добиваюсь свидетелей...

Несколько голосов . Верно! Верно!

Дантонни один из них еще не вызван. В присутствии народа я спрашиваю

общественного обвинителя: почему не удовлетворено мое законное требование?

Голоса . Свидетелей!

Фукье-Тенвиль . Я и прежде ничего не имел против того, чтобы их вызвать, не возражаю и сейчас.

Голоса . Ага!

Дантон . В таком случае вели привести их, это же от тебя зависит.

Фукье-Тенвиль . Итак, я даю разрешение на вызов свидетелей (*одобрительные возгласы в публике*), но только не тех, которых назвали обвиняемые: они являются членами Конвента, обвинение же исходит от всего Национального собрания, и было бы странно вызывать ваших обвинителей в качестве свидетелей со стороны защиты, особенно представителей народа, облеченных его высокой властью и ответственных только перед народом.

Эро . Тонкая казуистика! (*Смеется вместе с Фабром.*)

Дантон . Значит, мои коллеги могут меня убить, а мне нельзя даже уличить моих убийц?

Фукье . Как ты смеешь оскорблять представителей Нации?

Филиппо . Мы что же здесь, для проформы? Нам положено играть бессловесные роли?

Камилл . Народ, ты слышишь? Они боятся правды. Им страшно, что свидетельские показания их уничтожат.

Движение в зале.

Председатель . Не обращайтесь к народу.

Филиппо . Народ — наш единственный судья. Без него вы — ничто.

Гул одобрения.

Камилл . Я апеллирую в Конвент!

Народ . В Конвент!

Дантон . Вы хотите зажать нам рот. Вам это не удастся. Мой голос потрясет Париж до самого основания. Света! Света!

Народ . Света!

Волнение в зале, после первых же слов Дантона о свидетелях нараставшее в своей грозной силе, разражается ураганом криков и одобрительных возгласов, покрывающим все.

Председатель . Тише!

Весь народ (*в яростном ритме*) . Свидетелей! Свидетелей!

Давид и его друзья протестуют, но их заставляют умолкнуть. Судьи растеряны.

Фукье-Тенвиль . Пора прекратить эти безобразные препирательства. Я сейчас пошлю запрос в Конвент...

Голоса . Ага!

Фукье-Тенвильотносительно вашего ходатайства. Как он решит, так мы и поступим.

Народ рукоплещет. Фукье и Эрман совещаются, составляют бумагу, вполголоса перечитывают написанное.

Камилл (*в восторге*) . Мы выиграли!

Дантон . Мы уличим этих мерзавцев. Вы увидите, как они плюхнутся носом в собственное дерьмо.

В зале смехок. Люди переговариваются, спорят.

Если французский народ таков, каким он должен быть, то мне же еще придется просить помиловать их.

Филиппо . Помиловать тех, кто хочет нашей гибели?

Камилл (*весело*) . Ничего! Сен-Жюста мы назначим школьным учителем в Блеранкур, а Робеспьера — церковным старостой в Сент-Омер.

В зале смехок.

Эро (*пожимая плечами*) . Они неисправимы. Они и по дороге на эшафот все еще будут надеяться.

Дантон . Дурачье! Обвинять Дантона и Демулена в борьбе против Республики! Кто же у нас теперь патриот, Баррер, что ли? А Дантон — аристократ?

Смех в той группе, к которой обратился Дантон; смеются и присяжные.

Франция еще долго будет расплачиваться за эти враки. (*Одному из присяжных.*) Ты веришь, что мы заговорщики? Видите, он смеется, он не верит. Занесите в протокол, что он засмеялся.

Фулье (*отрываясь от своей работы*) . Прошу прекратить частные разговоры. Это воспрещено законом.

Дантон . Поди-ка поучи своего отца, как надо рожать детей!

Во время разговора Дантона с его друзьями в зале смеются и весело переговариваются.

Ведь я же и учредил этот трибунал, так что я кое-что в этом деле смыслю.

Камилл . Я снова радуюсь дневному свету. Был момент, когда он казался мне тусклым, безжизненным, как в склепе.

Дантон . Оживился не свет, а ты сам. А то было совсем раскис.

Камилл . Я стыжусь своей слабости. У меня плоть немощна.

Дантон . Хитрец! Тебе просто хотелось понравиться женщинам. Ты своего добился. Смотри, вон та девчонка делает тебе глазки.

Эро (*мягко*) . Бедные друзья мои! Мне жаль вас.

Дантон . Почему, красавчик?

Эро . Вы делите шкуру неубитого медведя, а ваша собственная уже запродана.

Дантон . Моя шкура? Да, я знаю, на нее немало охотников. На нее целится Сен-Жюст. Что ж, пусть попробует! Если ему удастся, пусть сделает себе из нее коврик перед кроватью.

Эро . К чему вся эта суматоха? (*Пожимает плечами и умолкает.*)

Фулье, написав бумагу, отправляет ее с одним из караульных.

Председатель . Пока придет ответ Конвента, будем продолжать допрос.

Жандармы заставляют подсудимых сесть на свои места.

Народ . Тише, тише!

Председатель (*обращаясь к Филиппо*) . Ваше имя, фамилия, звание?

Филиппо . Пьер-Никола Филиппо, бывший судья Манского суда, представитель

народа в Конвенте.

Председатель . Сколько вам лет?

Филиппо . Тридцать пять.

Председатель . Когда вас послали в Вандею, вы пытались парализовать национальную оборону; злобными памфлетами вы стремились подорвать доверие к Комитету общественного спасения; вы участвовали в заговоре Дантона и Фабра, возникшем с целью восстановить королевскую власть.

Филиппо . Я обрушил гнев народа на разбой некоторых генералов. Это был мой долг, я его исполнил.

Председатель . В той беспощадной борьбе, где на карту поставлена Франция, ваш долг состоял в том, чтобы привести в действие все силы Нации, вы же их подрывали.

Филиппо . Ронсен и Росиньоль — это позор для человечества.

Давид . Он сам вандеец!

Фукье-Тенвиль . Ты являлся представителем не всего человечества, а своей отчизны.

Филиппо . Моя отчизна — человечество.

Несколько одобрительных возгласов. Большинство возмущено.

Председатель . А те, кто возбуждает в вас сочувствие, — роялисты, которых подавил Росиньоль, — сами-то они уважали человечество?

Филиппо . Преступление ничем нельзя оправдать.

Фукье-Тенвиль . Победой.

Давид . Браво, Фукье!

Голоса . Верно, верно, браво!

Филиппо . Обвинитель! Я обвиняю тебя.

Камилл . Я прошу народ обратить внимание на позорные слова обвинителя.

Фукье-Тенвиль (*пожимая плечами*) . Пусть народ судит!

Народ разделился; некоторые аплодируют Фукье; в зале идут громкие разговоры.

Дантон (*тихо Демулену*) . Молчи, дуралей! Ты бросаешь камни в мой огород.

Камилл (*с удивлением*) . Как так?

Дантон . Довольно я их сам себе накидал!

Председатель (*Вестерману*) . Подсудимый, встаньте.

Несколько голосов (*с любопытством*) . Вестерман!.. Вестерман!..

Вестерман . Это мне? Фу, черт! Вперед!

Председатель . Ваше имя?

Вестерман . Сам знаешь.

Председатель . Ваше имя!

Вестерман (*пожимая плечами*) . Полно дурака валять!.. Спроси у народа.

Председатель . Вы Франсуа-Жозеф Вестерман, уроженец Эльзаса, бригадный генерал. Вам сорок три года. По всем данным вы были мечом в руках заговорщиков. Дантон вызвал вас в Париж, с тем чтобы вы взяли на себя командование войсками контрреволюции. В бытность вашу в армии вы совершали чудовищные злодеяния. Вы — виновник поражения при Шатийоне. Действуя заодно с Филиппо, вы старались истреблять патриотов, тогда как вы были обязаны защищать их. Ваше прошлое тоже отвратительно. Вы три раза привлекались к ответственности за воровство.

Вестерман . Врешь, скотина!

Смех в зале.

Председатель . Я отправлю вас обратно в тюрьму за оскорбление суда, и судить вас

будут заочно.

Вестерман . В пятнадцать лет я уже был солдатом. Десятого августа я командовал народом при взятии Тюильри. Я участвовал в сражении при Жемапе. Дюмурье бросил меня в Голландии, когда я был окружен врагами, — я прорвался со своим легионом к Антверпену. Затем я был послан в Вандеу. Там я задал жару разбойникам де Шаретту и де Катлино. Земля Савнэ, Ансени, Манса утучнена их зловонными трупами. Разные сукины дети говорят, что я был жесток? Это они еще мягко выражаются: с трусами я был свиреп. Вы хотите улики против меня? Извольте: в Понторсоне я приказал кавалерии изрубить тех моих солдат, что обратились в бегство. В Шатийоне я ударом сабли рассек лицо офицеру-трусу. Я заживо сжег бы мою бригаду, если б это было нужно для победы... Ты говоришь, я грабил? А тебе-то что? Дураки вы все. Я действовал, как солдат, — ведь я же не купец. Мой долг — защищать родную землю любыми средствами, и я исполнял его в течение тридцати лет, не жалея ни пота, ни крови. Я семь раз был ранен, причем из этих семи ран только одна в спину. Вот вам мой обвинительный акт.

Смех в зале, крики: «Браво!»

Председатель . Вы несколько раз при свидетелях оскорбляли Конвент. Вы грозились обрушить дворцовый потолок на головы представителей народа.

Вестерман . Это правда. Я ненавижу это сборище болтливых злопыхателей, — своей завистливой глупостью они только мешают всякому делу. Я говорил, что Конвент нуждается в хорошей метле и что я собственными руками вымету оттуда навоз.

Смех, возмущенные голоса.

Фукье-Тенвиль . Значит, ты признаешь, что участвовал в заговоре?

Вестерман . При чем тут заговор? Я один так думал. Один и действовал. Я ни с кем из этих не дружу. Мне несколько раз пришлось разговаривать с Дантоном, я его уважаю за то, что он человек деятельный, но ведь он тоже адвокат, а я адвокатам не доверяю. Францию спасут не речи, а сабли.

Несколько одобрительных возгласов и множество негодующих голосов. Некоторые начинают аплодировать, а потом они же особенно резко выражают свое возмущение.

Председатель . Довольно! Все ясно.

Вестерман . Отправляйте меня на гильотину! Гильотина — тоже что-то вроде сабельного удара. Я прошу об одном — чтобы меня положили на спину, я хочу лицом к лицу встретить топор.

Жидкие хлопки, волнение в зале. Чувствуется, что публика расположена к Вестерману, но она выжидает: ей нужно, чтобы кто-нибудь открыто стал на его сторону, и тогда она последует этому примеру, но примера никто ей не подает. Входят Вадье и Билло-Варенн. Фукье встает и пожимает им руки. Шум в зале.

Голоса . А, ответ! Ответ! Ответ Конвента! Конвента!..

Билло-Варенн (*вполголоса*) . Теперь негодяи у нас в руках!

Вадье (*вполголоса, к Фукье*) . Теперь вам будет легче.

Фукье (*так же*) . Наконец-то!

Волнение в зале, затем гробовое молчание. Фукье стоя читает; по правую и левую его сторону стоят оба члена Конвента.

(Читает.) «Национальный Конвент, выслушав доклады Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности, постановил: предложить Революционному трибуналу продолжать рассмотрение дела о заговоре Дантона и других *(сильное, но безмолвное волнение в зале)* , председателю же вменяется в обязанность принять все законные меры к тому, чтобы заставить уважать свое достоинство и пресечь всякую попытку обвиняемых нарушить общественное спокойствие и помешать ходу дела, ввиду чего тот из обвиняемых, кто будет оказывать сопротивление или же оскорблять национальное правосудие, должен быть немедленно удален из залы суда».

Движение в зале. Публика перешептывается. Затем все громче: «Так, крепко!» Шум голосов. Обвиняемые ошеломлены. Но как только публика начинает говорить громко и оживленно, оцепенение сменяется у них взрывом негодования.

Камилл . Какая подлость! Нам затыкают рот!

Народ *(в волнении)* . Верно! Верно!

Филиппо Это не судьбы, это мясники.

Дантон *(к Фукье)* . Ты не дочитал до конца. Там же должно быть и другое. Ответ! Ответ на наше требование!

Народ . Да, да, ответ!

Председатель . Тише!

Мертвая тишина.

Фукье . Для того чтобы трибунал мог убедиться, какая опасность угрожает Свободе, Конвент переслал нам следующую бумагу, полученную Комитетами от полицейского управления.

Движение любопытства в зале. Люди обращаются друг к другу с вопросами.

(Читает) . «В Парижский округ.

Снова тишина.

Мы, администрация департамента полиции, получив донесение от привратника Люксембургской тюрьмы, немедленно отправились в означенную тюрьму и вызвали на допрос гражданина Лафлота, бывшего посланника Французской республики во Флоренции, содержащегося в означенной тюрьме около шести дней, каковой гражданин Лафлот показал, что вчера между шестью и семью часами вечера он находился в камере гражданина генерала Артура Диллона, причем вышеупомянутый Диллон, отведя его в сторону, сказал, что нужно оказать сопротивление угнетателям; что содержащиеся в Люксембургской и других тюрьмах, люди умные и мужественные, должны объединиться; что жена Демулена отдает в их распоряжение тысячу экю для того, чтобы вызвать беспорядки в толпе перед зданием Революционного трибунала...»

Волнение в зале.

Камилл *(вне себя)* . Злодеи! Мало им умертвить меня, они хотят умертвить и мою жену! *(Рвет на себе волосы.)*

Дантон *(грозя Фукье кулаком)* . Мерзавцы! Мерзавцы! Они выдумали этот заговор для того, чтобы нас доконать!

Ропот в зале. Народ соглашается с Дантоном и выражает свое возмущение. Пока Фукье читает дальше, шум продолжается и, наконец, превращается в

настоящую бурю.

Фукье (*продолжает, стараясь перекрычать толпу и постепенно овладевая ее вниманием*) . «Лафлот, желая как можно лучше ознакомиться с их планом, решил притвориться, что сочувствует их намерениям. Диллон, вообразив, что он втянул его в свой гнусный заговор, подробно рассказал ему о том, какие существуют у них проекты. Лафлот готов сообщить все подробности Комитету общественного спасения...»

Шум в зале заглушает его голос.

Камилл (*словно обезумев*) . Чудовища! Каннибалы! (*В руке у него бумаги; он комкает их и швыряет в лицо Фукье. Обращаясь к народу.*) На помощь! Спасите!

В зале раздаются крики.

Дантон (*громоподобно*) . Гнусные палачи! Тогда уж привяжите нас к скамьям, возьмите нож и перережьте нам жилы!

Народ (*взволнованный, потрясенный, ликует и рукоплещет*) . Он задыхается! На губах пена!.. Великолепно! Какой голос, а?.. Браво!

Филиппо . Тираны!

Дантон . Народ! Они истребляют нас, они и тебя удушат заодно с нами! Дантона убивают! Восстань, Париж! Восстань!

Два голоса (*в задних рядах, за ними повторяют все*) . Тираны!

Вестерман . К оружию!

Весь народ . К оружию!

Могучий рев толпы внутри и снаружи покрывает отдельные голоса. Сквозь ураган слабо доносится лишь рыканье Дантона. Дантон делает шаг по направлению к Вадье, путь к которому преграждают жандармы и стол председателя. Он грозит ему кулаком. Толпа улюлюкает, а Вадье, сгорбившись, переживает бурю и смотрит исподлобья равнодушно-насмешливыми и злыми глазами.

Фукье (*бледный, взволнованный, обращаясь к обоим членам Конвента*) . Как быть? Толпа может кинуться на нас каждую секунду.

Билло . Разбойники!.. Анрио, вели очистить зал.

Вадье . Это значит подать сигнал к бою, а ведь еще неизвестно, кто победит.

Фукье (*взглянув в окно*) . На набережной собралась толпа. Того и гляди выломают двери.

Дантон . Народ! Мы можем все, мы одолели королей, разгромили европейские армии. На бой! Раздавим тиранов!

Вадье (*к Фукье*) . Прежде всего пошли их обратно в тюрьму, чтоб не маячил здесь этот горлан.

Дантон (*грозя Вадье кулаком*) . Посмотрите на этих подлых убийц! Они не успокоятся, пока нас не затравят... Вадье! Вадье! Собака! Поди сюда! Раз уж это война каннибалов, так пусть по крайней мере спор о моей жизни решится в кулачном бою!

Вадье (*к Фукье*) . Обвинитель! Делай, что тебе повелевает Конвент.

Народ . Вадье — на фонарь!

Председатель ударяет кулаком по столу, шум стихает.

Фукье-Тенвиль . Обвиняемые защищаются недостойно, возмутительно, они имеют наглость оскорблять трибунал, грозить ему, — все это вынуждает трибунал принять меры,

соответствующие настоящим чрезвычайным обстоятельствам. Вследствие этого я требую, чтобы вопросы присяжным были поставлены и приговор был вынесен в отсутствие подсудимых.

Общая растерянность и безмолвное смятение. Затем, — и так до конца действия, — народ, охваченный лихорадочным волнением, говорит, уже не умолкая.

Председатель . Трибунал рассмотрит это требование. Подсудимые должны сесть по местам.

Дантон как будто не понимает происходящего; из груди его вырывается хриплый звериный рев.

Вадье (*вполголоса*) . Кричи, кричи, голубчик! Теперь все равно не поможет.

Эро (*встает и смахивает пыль с платья*) . Все кончено.

Дантон (*дает жандармам подвести себя к скамье и в изнеможении опускается*) . Крышка!.. (*Сдерживая порыв ярости.*) Полно, Дантон, полно! Участь твоя решена.

Камилл (*кричит*) . Я друг Робеспьера! Меня не могут осудить...

Вестерман (*Дантону*) . Скажи ты этому мальчишке, чтоб он себя не унижал.

Дантон (*с убитым видом*) . Они сошли с ума. Несчастливая страна! Что с тобою станется, когда ты лишишься такой головы?

Эро (*Демулену*) . Друг мой! Возьми себя в руки, покажем, что мы умеем умирать.

Дантон . Мы довольно пожили, теперь будем покоиться на лоне Славы. Ведите нас на эшафот!

Камилл . Жена моя! Сын мой! Я вас больше не увижу!.. Нет, не может быть. Друзья мои, друзья мои, спасите!

Председатель . Уведите подсудимых.

Дантон . Сиди смиренно и не обращай к этой гнусной сволочи.

Эро (*как бы желая ускорить конец, поднимается, не дожидаясь жандармов, которые заставляют подсудимых встать, и направляется к Фабру*) . Обопрись на мое плечо, друг мой, — твоим страданиям пришел конец.

Фабр д'Эглантин . Перед смертью нам удалось посмотреть отличный спектакль.

Дантон . Да уж, Фабр, не в обиду тебе будь сказано, эта пьеса не чета твоим.

Фабр . Ты не знаешь последней моей пьесы — там были неплохие места. Боюсь, как бы Колло д'Эрбуа не уничтожил рукопись. Он мне завидует.

Дантон . Утешься: то, над чем ты мучился всю жизнь, теперь придумали для всех нас.

Фабр . Что именно?

Дантон . Развязку.

Эро . Пусто будет завтра в Конvente. На меня нападает зевота при одной мысли о том, что оставшиеся в живых должны будут слушать Робеспьера и Сен-Жюста, Сен-Жюста и Робеспьера — и, под страхом смерти, не спать.

Дантон . Робеспьера они будут слушать недолго. Я первый схожу в могилу. Робеспьер последует за мной.

Фабр . Мне бы все же хотелось проследить развитие характеров некоторых мелких жуликов: Барраса, Тальена, Фуше, но это я уж слишком многого захотел. Пойдем, Эро.

Фабр и Эро уходят.

Камилл (*цепляется за скамью, от которой его оттаскивают жандармы*) . Я не пойду! Вы меня убьете в тюрьме. Спасите! Спасите! Народ! Я создал Республику! Защити меня — я тебя защищал!.. Вы меня не уведете отсюда, злодеи! Подлецы! Убийцы!.. Ах, Люсиль! Гораций! Любимые мои! Любимые мои!

Народ . Нет, нет, так нельзя, это подло! Бедный мальчик, оставьте его, его не надо казнить!

Толпа возбуждена; она хочет действовать, но не решается; чувствуется, однако, что недовольство растет. Камилл продолжает кричать. Его уносят.

Дантон (*растроган*) . У меня тоже есть жена, дети. (*Встряхнувшись.*) Полно, Дантон, не поддавайся слабости.

Вестерман (*Дантону*) . Почему ты не воспользуешься возмущением народа? Он готов ринуться в бой.

Дантон . Эта сволочь? Да что ты!.. Балаганная публика! Их забавляет зрелище, которое мы им устраиваем. Они собрались здесь, чтобы рукоплескать тому, кто победит. Я их набаловал: я всегда действовал за них.

Вестерман . Ну так действуй же!

Дантон . Поздно. Да и плевать мне на все теперь. Республика погибла — я предпочитаю умереть раньше.

Вестерман . Вот плоды твоей нерешительности. Что бы тебе опередить Робеспьера!

Дантон . Революция не может обойтись без таких голов, как я и Робеспьер. Я мог бы себя защитить, только удушив его. Революцию я люблю больше, чем себя.

Вестерман уходит.

Филиппо . Пойдем и мы с тобой, Дантон. У нас есть то утешение, что мы и умирая остаемся такими, какими были в жизни.

Дантон . Я шел на любые преступления ради Свободы. Я брался за самые страшные дела, которые отпугивали лицемеров. Я всем пожертвовал для Революции и вижу теперь, что напрасно. Эта девка меня обманула; сегодня она отреклась от меня, завтра отречется от Робеспьера; она отдастся первому попавшемуся проходимцу, который залезет к ней в постель. Ну что ж! Я не жалею. Я люблю ее, я счастлив тем, что обесчестил себя ради нее. Мне жаль тех бедных малых, которых Свобода так и не приласкала. Кто хоть раз поцеловал эту дивную тварь, тому и умереть можно: он жил. (*Уходит вместе с Филиппо.*)

Фукье-Тенвиль . Считаю, что присяжные могут признать судебное разбирательство оконченным.

Председатель . Присяжные удаляются на совещание.

Присяжные уходят.

Народ настроен мрачно, волнуется, колеблется. Снаружи доносятся голос Дантона и гневные крики толпы. Публика теснится к окнам. Некоторые из членов трибунала тоже подходят и смотрят. Люди, находящиеся в зале суда, подхватывают слова, долетающие снаружи, сначала вполголоса, потом все громче.

Писец (*выглянув в окно*) . Вон они, выходят!

Народ (*вокруг него, теснится к окну*) . Где? Где?..

Писец . Демулен воеет, отбивается.

Девушка . Бедняжка! Он помешался. Одежда на нем разорвана, грудь голая!

Писец . Дантон говорит.

Народ . Слушайте.

Снаружи доносится голос Дантона.

Народ (*на улице*) . Да здравствует Дантон! Фукье — на фонарь!

Народ (*в зале, повторяет*) . Да здравствует Дантон, смерть Фукье!

Фукье . Начинается мятеж. Нас могут разорвать в клочки.

Вадье . Нельзя допустить, чтобы эти крики повлияли на умонастроение присяжных. Пойдем туда, надо им все объяснить.

Вадье и Фукье уходят в комнату присяжных. Толпа выражает им свое возмущение.

Та часть толпы, которая далеко от окна . Так нельзя, Вадье! Вадье, это несправедливо! Так не судят!

Другие (*у окна, продолжают смотреть*) .

Писец . Бегут за повозкой. Машут шляпами.

Толпа . А-а-а! А-а-а!

Писец . Жандарма сбросили с лошади!

Толпа . Bravo! Их нельзя казнить!.. Других — как хотят, но не Дантона! Свободу Дантону! Свободу Дантону!

Оглушительные крики в зале и на улице.

Председатель (*оторопев*) . Граждане!.. Неприкосновенность суда... уважение к правосудию...

Рев толпы заглушает его голос.

Толпа . Дантона! Освободите нам Дантона!

Председатель . Мы в западне. Они здесь не оставят камня на камне. (*Пытается к двери, хватается за ручку*) .

Толпа в ярости ломает скамьи, врывается на возвышение, угрожает трибуналу смертью.

Толпа . Дантона!.. Комитет истребляет патриотов! Смерть Комитету!

Входит Сен-Жюст. Народ в испуге мгновенно смолкает.

Народ . Сен-Жюст!.. Сен-Жюст!..

По толпе пробегает дрожь. Молодой человек, кричавший: «Свободу Дантону!» — останавливается на полуслове и так и остается с полуоткрытым ртом. Сен-Жюст смотрит на толпу холодным, суровым, пристальным взглядом. Толпа отступает. Несколько секунд длится гробовое молчание. Затем ропот слышится снова, но уже не такой громкий.

Женщина . Сен-Жюст! Освободи Дантона!

Несколько голосов . Помиловать Дантона!

Ропот.

Вадье (*вошел вместе с Сен-Жюстом; воспользовавшись минутным затишьем*) . Граждане! Продовольственная комиссия республики...

Толпа шикает на тех, кто продолжает разговаривать.

Голоса . Да будет вам!.. Тише!

Вадье (*продолжает*)доводит до вашего сведения, что сегодня вечером в порт Берси

прибывает караван судов с мукою и топливом.

Поднимается невероятный шум.

Гул голосов . Пропусти!

— Куда лезешь?

— Я спешу!

— А мне, что ли, не к спеху?

— Подождешь!

— Пошел к черту!

— Скорей!

— Погоди, я хочу дождаться конца.

Два старых буржуа . Мы — потихоньку, пусть они себе орут.

— Пospешишь — людей насмешишь.

Давка. Все стараются пробраться к выходу, толкаются, дерутся. Только немногие любопытные остаются до конца процесса.

Вадье (*оглядывая толпу, ехидно*) . Сердце у них доброе, но желудок еще лучше.

Возвращаются присяжные. Монотонный голос председателя, который задает им вопросы, заглушают крики толпы, теснящейся у выхода. Постепенно шум удаляется, и голос Эрмана звучит все явственнее. Приговор оглашается среди мертвой тишины.

Председатель (*присяжным*) . Граждане присяжные! В нашей стране существовал заговор, имевший целью оклеветать и опорочить национальное представительство, восстановить монархию и путем подкупа подорвать основы республиканского строя. Принимал ли Жорж-Жак Дантон, адвокат, член Национального Конвента, участие в этом заговоре?

Старшина присяжных . Да.

Председатель . Принимал ли Люси-Симплиций-Камилл Демулен, адвокат, член Конвента, участие в этом заговоре?

Старшина присяжных . Да.

Председатель . Принимал ли Мари-Жан Эро Сешель, генеральный прокурор, депутат Конвента, участие в этом заговоре?

Старшина присяжных . Да.

Председатель . Принимал ли Филипп-Франсуа-Назер Фабр, именуемый д'Эглантинном, депутат Конвента, участие в этом заговоре?

Старшина присяжных . Да.

Председатель . Принимал ли Пьер-Николá Филиппо, бывший судья, депутат Конвента, участие в этом заговоре?

Старшина присяжных . Да.

Председатель . Принимал ли Франсуа-Жозеф Вестерман, бригадный генерал, участие в этом заговоре?

Старшина присяжных . Да.

Фукье-Тенвиль . Я требую применить закон.

Председатель . Вследствие сего суд приговаривает Жоржа-Жака Дантона, Люси-Симплиция-Камилла Демулена, Мари-Жана Эро Сешеля, Филиппа-Франсуа-Назера Фабра, именуемого д'Эглантинном, Пьера-Николá Филиппо и Франсуа-Жозефа Вестермана к смертной казни. Настоящий приговор должен быть им объявлен в тюрьме Консьержери через секретаря трибунала и приведен в исполнение сего шестнадцатого жерминаля на площади Революции.

Толпа расходится.

Давид и его друзья . Ну, вот и все. Зверь затравлен! Теперь отведаем мяса!.. Да здравствует Конвент! *(Уходят.)*

Два старых буржуа *(вполголоса)* . Ну, что скажете?

— Нет, уж я лучше помолчу.

— Жизнь, она хоть кого состарит.

(Разводят руками и, покачивая головой, крадучись направляются к выходу.)

Отдаленный шум, долетающий с улицы, мало-помалу стихает. На авансцене остаются непреклонные Сен-Жюст, Вадье, Билло-Варенн и молча смотрят друг на друга.

Вадье . Колосс сгнил и рухнул. Республика вздохнет с облегчением.

Билло-Варенн *(метнув на Сен-Жюста свирепый взгляд)* . Республика будет свободной только тогда, когда не останется ни одного диктатора

Сен-Жюст *(сурово посмотрев на Вадье и Билло)* . Республика будет чистой только тогда, когда не останется ни одного хищника.

Вадье *(хихикая)* . Республика будет свободной, Республика будет чистой только тогда, когда не будет самой Республики.

Сен-Жюст . Идеи не нуждаются в людях. Народы умирают, но ими жив бог.